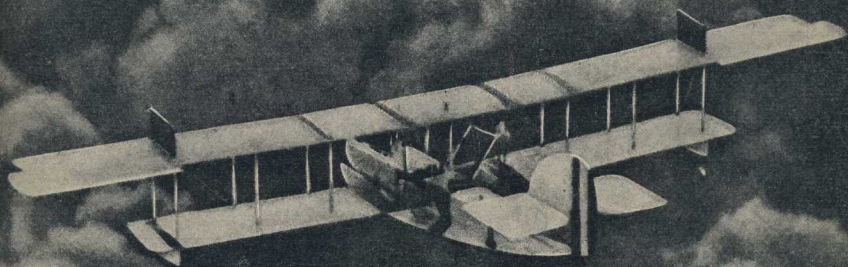

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1227
№:
11

Издательство „Молодая Гвардия“

СКВОЗЬ ДЫМ, СКВОЗЬ ТУЧИ..

Иоганн Бехер.—Поэзия. Роман. ГИЗ. 1927 г. Стр. 313. Ц. 1 р. 70 к.

Л. О. Фла-гэрти.—Осведомитель. Роман. ГИЗ. 1927 г. Стр. 120. Ц. 1 р. 20 к.

Перед нами два романа европейских пролетарских писателей. И Бехер—немецкий пост-коммунист и его роман в подлинно-струментальной манере ритмической прозы. Такая форма имеет целью воздействовать на читателя помимо идейного и сюжетного содержания словесной инструментальной прозой. Это дает себя чувствовать и в русском переводе, хотя и неизбежно ослаблено.

«Любит» воспринимается не как роман в его обычном виде, а скорее как напряженное лирическое произведение. Это несомненно затрудняет чтение романа, тем более, что Бехер далек от желания занимать, развлекать своего читателя.

В предисловии к роману Бехер заявляет: «Прочь руки от этой книги, если вы, пресыщенные и скучающие до смертельной тошноты, собираетесь дождаться убого, несколько правых часов». Однако, это замечание автора в большей степени относится к социальной насыщенности романа: «Любит»—глубоко классовое произведение, оно посвящено борьбе революционных протестов в Германии и грядущей мировой социальной революции.

Перед читателем широко развернут социальный фон послевоенной Германии: возвращение с фронтов мучительный процесс пролетарской массового опьянения национализмом, острая борьба партий, первые баррикады, лихорадочная подготовка буржуазии к новой войне под маской равнения химической промышленности, аэриальный, устранивший массы бог капитализма—газ (отсюда и название романа: «любит»—название газа) и, наконец, сама эта война, уже открыто выходящая в войну гражданскую.

Если первая (большая) часть романа является замечательным предельно и выстраданным массами германского пролетариата, то вторая (заключительная) его часть, уходящая в будущее,—может быть и ошибкой в своем деталях, но не менее яркая, пронзительная и волнующая при чтении.

На таком фоне, лишь как отдельные инструменты огромного оркестра, автором выделены два героя (если так можно выразиться по отношению к этому произведению). «Летер Фриц»—выходит из мелкобуржуазной среды, и рабочий Макс Херзе. Оба они глубоко потрясены только-что закончившейся мировой войной и оба переживают процесс осознания от националистической слепоты и социал-демократических иллюзий и обманов. Брошенные в водоворот новых переживаний и событий, они вступа-

ют в ряды коммунистической партии. Оба они гибнут в борьбе; вот что могут думать о смерти такие люди: столько оно сейчас в мире непоколебимо: отдельные личности могут гибнуть, целое—пролетариат—побеждает».

«Любит», повторим, требует от читателя некоторой подготовки и дисциплинированности, такой же, например, как при слушании большого музыкального произведения, но своею напряженностью и тою страстностью, которую обнурует автор в отношении к своему изображаемому, роман всецело овладевает читателем.

И Бехер—писатель-индустриалит, писатель больших масс, городов и революции, поэтому так свободно вырастает в его романе мощные, глубоко запоминающиеся образы. «О Флагэрти—ирландец». В романе «Осведомитель» он изобразил триколор предательства. Вышедший из коммунистической организации, гигант Джино Нолан, предает своего товарища, скрывающегося от полиции.

Действия романа стремительно разворачиваются в течение одного вечера и ночи. О Флагэрти сумел во многих моментах мастерски передать психологию переживания Джино. Человек, только-что переступивший порог полиции, для которого он совершил губительный поступок; он предан, уже не принадлежит сам себе. С первых же шагов улица встречает его звуки, которые кажутся ему угрожающими и опасными и которые раньше не дошли бы до его слуха. Он лихорадочно замечает след, старается оправдаться, отгородиться от подозрений, но еще больше набрасывает на себя их тень, он мечется, прет, бьется, и наконец, окончательно заходит в Мюльберг физически, он совершенно бессилен в логических поступках и, преследуемый мститель евой организацией, он запоздало переживает пресмертуную тоску по родным его горам, деревне и стадам.

Таких огненным кругом О Флагэрти открыл переживания и судьбу предателя.

В романе также показана ирландская подпольная организация коммунистов. Но в том, как это показано, есть нечто, составляющее в недоумении русского читателя. Желая показать решительность действий партии, О Флагэрти несколько странно осветил типы партийцев, особенно главу организации—кюанджера Галлагера. Здесь читателя заставляют задуматься черты какой-то странной мстительности, коварности, предвещательности, нерешности отношений и обстановки. Но роман в целом значителен и оставляет большое впечатление.

Б. Л —

А. СЫТИН.—Стада Аллаха. Рассказ. Москва. ЗИФ. 1927 г. Стр. 147. Ц. 95 к.

А. СЫТИН—интересный рассказчик с богатым запасом наблюдений. В его

рассказах читателя обступают живописные нравы нашей Средней Азии. Степь, пустыня, поверхность земли—забвение хребты и их обитатели—узбеки, туркмены, кара-киргизы; наши в Сатине злобного художника, то большой страстностью наблюдающего за столкновением старых средневековых пережитков с бурными порывами нового, то обобщающегося этой экологической старины.

Суеверный страх кочевников при объяснении о переписи скота (Аллах не разрешает считать числа и покарать мором), поп которым крестится боже стариков молодых и беда молодых, сползающих в долины щелевые лавины скота, «елентий Змигар», богатейший из киргизов, ослепший от древнему обычаю засухи; он спас край от жестокого замела туркменскими белоглазые, перегородившие швырнями; рассказ Караган-баши о Голубом Стране; рассказ о далеких временах старого воспитателя орлов; восстания в чудесах европейца Лемма с игиом (индийским юрьюмом) и поиски тамга (розового знака кара-киргизов) пастухом Сары-маса—все это обогатит и лиризм рассказа.

Базары, чай-хане, ставнища кочевников, жуткие картины засухи и грандиозные картины горных пейзажей, мерные, утомляющие движения караванов и бурные, непреодолимые потоки Голубой Страны; рассказ о отаханьях, массы, и мн. др. все это автор умеет показывать ярко и глубоко запоминающимся.

Сытина можно упрекнуть в том, что он сосредоточился на старой психологии, на призрачных окаменелостях быта, что у него недостает четкого социального фона,—но это значительно компенсируется пристальной художественностью автора. Книжка может очень заинтересовать читателя.

Б. Л.

С. ГРИГОРЬЕВ.—Амба Полатовый. ГИЗ. 1927 г. Стр. 181. Ц. 1 р. 10 к.

А. КОЖЕВНИКОВ.—Человек лезия. ГИЗ. 1927 г. Стр. 172. Ц. 1 р. Т. Мещеряков.—Атаман Хрус. ГИЗ. 1927 г. Стр. 172. Ц. 90 к.

Говорят, что у нас нет хорошей юношеской литературы, что наша литература своим образом не замечает былых Майн-Ридов и Жюль-Вернов; но! она и не умеет развиваться так занимательно сюжет, как умели это делать мастера старой юношеской литературы. Это, она слишком короткая, тенденциозна.

Душею, что в рецензируемых книгах, где первая часть хорошию опровержением высказанного мнения.

«Амба Полатовый»—прекрасный образец «старшего Майн-Рида». Выбранная автором обстановка—борьба Красных партизан против японцев и колчаковцев в тайге Дальнего Востока—дает возможность, не впадая в преувеличения и фантастику, построить богатый авантурный сю-

жет с широким рядом захватывающих моментов, многих выходов из казалось бы безвыходных положений. Вместе с интересом развернутым сюжетом повесть дает массу бытового, географического и другого материала.

Более истинная вещь «Человек лезия»—о мальчике-лопаре и о замке юг Лапландия, которая может стать счастливым, если «человек сумел обуздать культуру, если черт сумел просторы лигу стальные ружья, если быль позавчера ступил азарты электрические огни». Повесть эта не столь увлекательна, как «Амба Полатовый», но она такое сообщением интересного о малонавешенном надре и людях. Мы ее рекомендуем.

Этого нельзя сказать об «Атамане Хрусеве Т. Мещерякова. Это—вероятная история превращения в скольких польских ребятишек в грядных, увешанных революциями и баянами мистифици, о которых предельно глупая глупость читает и слышит атаман Хрус, численностью 100 человек». Здесь безмерно нагромождены авантурные положения, которые в конце-концов утомляют.

Ник. Новиков

Пробег в царские времена. Сборник. Стр. 6. Стр. 1 и 10. ГИЗ. 1927 г. Стр. 6. Ц. 80 коп.

Этот сборник составлен из воспоминаний о войне наиболее известных побегов из царской тюрьмы и о побеге Полатового (еще в 1901 году) от побег Лелешинского (в 1903 г.).

Самодержавие особенно провалилось себя кандалным званием политических заключенных и смельчан. Но если париж душой революцию, то революция возмущала против и его; система смысла она противность или конспирацию и попполе, тюрьмы и смыслы революция превращая в тяжелую школу мужества и вала (не даром царскую тюрьму называют рабфаком и аутом старых революционеров); против каменных тюрем и решеток революция выдвинула идею искусства побеге.

В сборник вошли «побег» до 1905 года, т. е. до первой революции, год которой побеге настолько участвовал, насколько массовыми же стали замечательны и смыслы.

Барские рысики; сибирские тайги, последние рысики в тюремных коридорах, прыжки с поезда на ходу, тайные переделы в коридорах, шель инцидентов,—так варьируются способы этих побегов.

Нашей молодежи; выросшая в совершенно иных условиях, не видевшая тюрьмы и шпиков и пропуск шель интересо самодержавия, будет очень интересно ознакомиться с этим, хотя и далеко неполным, но очень доступным сборником.

Н. Кор

СОДЕРЖАНИЕ: НА ВЕЧЕРЕ МАССОВОГО ТУРИЗМА. Г. ГАЙДОВСКИЙ—Ночь в Фелосии (рассказ). И. АЛИКАНТОВ—В Теберду (очерк). Л. И. — Как жить летом. И. ПОСТУПАЛЬСКИЙ—Купанье (отх.). Ф. ТО-РАЗВОРОТ—Вот чем грозит нам капиталистические империализм. Я. ТЯЖАРТ—Человек против тайна (булущая война в ее практике и фантазии европейской воины). Шурка чудит.—Из рассказов ИРОЧКИ С ОКТЯБРЬСКОЙ В. ШЕЛОТОВ—Пилот (Стих). И. САРГИЗОВ—СЕРАЗИТ—От Крыма до Алтая (практика туризма по СССР). ВЛ. НЕМЦОВ—Радио летом. ФОТО-УГОЛОК. ШАХМАТЫ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВИНКИ.

ИЛлюСТРАЦИИ Б. БЕРЕНДГОФА. М. ХРАПОВСКОГО и др.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Чернышевский
перузон, д. 3/4. Тел. 4-36-58Рукописи принимаются, написанные на ве-
ликом или четко от руки на одной сторо-
не листа

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕОБЩЕГО ДЕНИННОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗ-ВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1937 ГОД

На 1 год — 24 ном.	3 руб. 60 коп.
• 6 мес. — 12 „	1 „ 90 „
• 3 „ — 6 „	1 „ — „
• 1 „ — 2 „	35 „
Отдельный экз.	20 „

Подписку принимает Отдел Первомайских
Изданий Из-ва „Молодая Гвардия“
Москва, Новая площадь, д. 3/4

НА ВЕЧЕРЕ МАССОВОГО ТУРИЗМА

Фото П. КОЦЕНКО

СЛЕВА—Перед на-
чалом;ВНИЗУ—Тов. Сла-
вин, помпич. ПУР'а.

23-го мая в Мос-
кве, в огромном
помещении Мю-
зик-Холла со-
стоялся вечер ма-
ссового туризма,
устроенный „Сме-
ной“ и „Комсо-
мольской Прав-
дой“.

— Туризм дол-
жен войти в плоть
и кровь молоде-

СЛЕВА—Слушают
тов. Семашко;ВНИЗУ—После ве-
чера в фойе проф.
Гейнике продолжает
рассказывать увлек-
ательнейшие истории.

жи,—заявил выступавший на вечере
тов. Семашко. — Туризм оздор-
вляет; ни один врач, ни одно ле-
карство не может заменить собой
солнце, воздух и воду.

— Хороший турист — хороший
воин,—так подошел к вопросу тов.
Славин. — Туризм делает человека
зжелезным, и никто, как турист, не
может так хорошо ориентироваться
по карте и пользоваться всеми воз-
можными средствами передвижения.
Это очень важно для бойца.

Известный краевед проф. Гей-

нике рассказал настолько интерес-
ные эпизоды из своей туристской
практики, что многие в тот же момент

решили тесно примкнуть к новому
живому делу. Вечер закончился боль-
шим концертным отделением.

Н О Ч Ь В Ф Е О Д О С И И

Г. ГАРДОВСКИЙ

Рис. М. ХРАТКОВСКОГО

Начавшая чуть покачивая громадищу «Ленина». За кормой парохода оставался длинный сверкающий след. Иногда в бурнах появлялись плавники дельфинов, сплывавших за пароходом в одиночные добычи. Раннее солнце успело нагреть палубу, парусиновые тенты давали опасительную тень. Мы с наслаждением вдыхали чистый морской воздух и любовались величественной панорамой, которая раскрывалась перед нами.

Пароход жил своей шумной, кипучей жизнью. Перед Феодосией все выползло из своих кают бледные, изнеженные лица кочегаров — хорошо трепало у Ялты. Несколько ребятишек бежали по палубе, наполняя ее визгом и хохотом. Чайки вилась над пароходом, кричали притворливо и печально, иногда бросались в воду и проныривались с добычей.

Поставили штурвал. Мы с Микой проходили на траверсе горы Карадаг. Скоро должен был показаться Котельбек. Пароход забрал направо, обходя мыс Киник. Утро было ясно и чисто. Из бубета смыхалась ступа ломачек — ставили пассажиров корабельный ящик, за который валили, напереваяла потерянное ночью.

Мой спутник Быстров откинулся на парусину лоп-шеза и, не выпуская изо рта папиросу, сказал:

— Я не понимаю тебя. Чудный ты какой-то. Целыми днями пропавшая у татар, нигде не ходишь. В «Гуль-Тепе» концерты, народному народу собираешь, а тебе спрашивали как-то.

— Кто? — лениво спросил я, глядя на поперную жаркой дымкой берег.

— Так и тебе и сказал. Ну, что за охота тебе с татарами ездить?

— Вот охота значить.

— Ну, как знаешь — твое дело. Смыкал? Опять твой друг и приятель появился.

— Кто?

— Известно кто — Сефди. Дружок твой. Нам было известно, что он в Константинополе, а теперь, пожалуйста — кушайте на здоровье — припер со своей шкурой.

— Что ж ты его не поймал?

— Лави сам... Ночи не сплю, все думаю, как бы поймать его. Быстров помолчал. — Знаешь, друг!... Гал это Сефди усамный, Советской власти нашкодильчон ужас как много, а все же жаль его было бы сплнить — храбрый очень. Он сам свою смерть найдет...

Я взглянул на Быстрова. Он рассеянно смотрел на желтоватую падь. Мерно дрожал корпус парохода, мощно рассекая волны высоким, острым носом. На палубе зашевелились. Мы проходили мимо Дуэнкавской бухты, скоро Феодосия. Пассажиры качели выносили свертки, корзины, баулы. Все охотливо неизбежно нетерпение перед высадкой. Дым перестал валить из громадных труб «Ленина» и медленно исчез в небесной синеве.

— Ну, вот и приехали, — сказала Быстров, вставая и потягиваясь, когда вдали показался Феодосийский рейд.

Быстров ехал в Феодосию по делу. Я, как это было не раз, составил ему компанию. Снемое утро бордиро меня, дышалось легко, голова была необыкновенно ясной. Солнце искрилось в волнах, по которым скользили белые барашки.

Медленно береги привинулся к нам. Видны были купальни, яки, сложная мешанина мачт и труб в порту. «Ленина» осторожно вползла в порт. За молот качка сразу стихла, пароход плавно пошел к пристани. Со скрипом спустились сходыни, пестрая толпа пассажиров бросилась на берег. С плягом заскрежетали цепи лебедок, исчезли в раскопках пастяя люков. Начались выгрузки.

О пристани мы пошли на Генуэзскую пите кофе. Потом я купался, долго лежал на пляже, поджидая Быстрова, не дождавшись, отправился на вокзал к приходу московского поезда. Поезд прибыл точно — минута в минуту. Вокзал наполнился шумом, криками, восклицаниями, голосами.

— Машины «Крымкурор!»

— Звесье автобусы «Крымкурор» в Сулак!

Сразу стало тесно на прикомандованной площадке.

Презимье, утомленные порогой, ослабленные вокальной суетой, не знали, куда идти и что делать. Носильщики со спокойной флегмой таскали корзины и свертки. Я с завистью смотрел на приехавших. Молодая женщина с мальчонком. Муж ее говорил с шофером, а у нее восторженно открыты глаза, рот приоткрыт, как у деревенской девушки перед богатой витриной. Она впервые увидела море. Наверное, как долго мечтала она об этой минуте, как трудно им было вырваться

из изнемок, пыльных, душной Москвы и эту заманчивую «Феодосью», как называют железнодорожники Феодосию. Сколько радости, восторга на лицах. В первый раз увидеть море! Счастливые! В первый раз засунуть штаны, поднять юбочки, подставить ноги ласкающим волнам!... Для меня никогда не будет этого на первый раз!... В десятый, а двадцатый, но только не в первый!... Первая радость — самая святая радость, потом привычка, потом охлаждение. Таков закон жизни.

Почему-то вспоминается мне самаркандский поезд. Там такая же нефрота, так же ярмо светило солнце, так же суетились люди, спеша на пригородный поезд — «кукушущу», которая готовилась к отбытию. Толяко в Самарканде солнце палило горячее, там краски были ярче, там преобладали люди, на лицах которых сохранились отпечаток векового, нетронутого Востока.

— Друг!

Ну, конечно, Сефди Сумасшедший Сефди, который разгуливал всегда так, точно он знатный путешественник, а не ловкий контрабандист, за которым безуспешно все лето следит Быстров. Сефди улыбается, как негрца, паскво и хитро. Узнавайтесь, был в Симферополе. Ездил «ко делу». Дело очень важное, такое, что стоит рискнуть своей свободой: его жена Гюльсуен хочет поехать в Симферополе, он ездит узнать, можно ли приехать. Ах, эта мальчишка Гюльсуен! Сефди влюблен в нее, как мальчик. У него в Симферополе есть турчанка Зекне. Сами понимаете — молод был, часто в Константинополь приезжал. — Нужна женщина. Сейчас? Бросил Зекне. В Симферополе? Теперь тяжело в Симферополе. Святой город Ислама занят неверными. Только и веселятся маленькие кочук-ханум. Они едят каву и зывают прохочки. Ну, да еще арабские играют на икитли, двуструнной мандинге, свои длинные песени. А ведь англичане. Иок якили! Нехорошо!

Все это говорит мне Сефди, полбесная белая зубами. Мы идем вдоль линии железной дороги к чудной виле Стамболи.

— Сефди! Звесь Быстров. Он знает, что мы в Крыму.

Сефди улыбается и прикладывает руку к груди.

— Быстров храбрый человек, но Сефди дрясе. Дай бог Быстрову много лет жизни, но Азия даст Сефди еще больше.

Он весел, как ребенок. Неожиданно он нахмуривается, подходит к берегу моря, плывет в воду и, обернувшись ко мне, кричит:

— Хорошо!

— Что хорошо?

— Все хорошо... Сегодня привезет трикотажное хитро лопмигивает, — а ну-ка, пусть Быстров найдет его.

— Сефди, как вы не боитесь, что вас могут арестовать? Не всегда же вам все будет так благополучно сходить с рук, как тогда в море. Парматею о Гюльсуен.

— А? Я думаю. Часто думаю. Все время думаю. Люблю ее больше всего на свете. Ее радость — моя радость. Все для нее делаю, чтобы жила, как парница. Хочет в Симферополе — поедет в Симферополе, и не как-нибудь, а в мягком вагоне. Захочет в Москву — отъезду к самому Ленину.

— Ленину умер.

— Я ведь шушу. Зачем нам Москва? Вид Гюльсуен в Константинополе — не ездит, боится не хочет Кутлак оставаться.

Сефди подымает проезжающего извозчика, садится и зовет меня.

— Не боитесь?

— Вы же знаете, что не боюсь. Быстрову известно, что я с вами встречаюсь.

— Известно? — брови татарина удивленно поднимаются, но он сейчас же забывает о моем, которого променяли у него в голову.

Началась выгрузка...

Клякса покрыта парусиновым верхом, зашпаклевано от солнечных лучей; кормленные, тазике коки несут нас шибкох рысью. Сефид сидит какому невероятн оброчом, закинув ногу на ногу. Он смеится в своем восторге, и мне немного обидно за него, мне хотелось бы видеть его другим.

Указала Сефид прощается со мной.

— Вы остаете ночевать в Феодосии?
— Не знаю.

— Если останете, приходите в двенадцать по телефону. Звонит Елена Армянская. Да вы спросите Грека вам всякой покатает.

Сефид еще шаркане развалился в коляске и скрывается. Меня вдруг начинает мучить уличная суета. Я иду в музей Авазоговского и там в прокуженной тишине отдыхаю...

С Быстрым я встречаю в ресторане у фонтана Авазоговского. Как и всегда, глаза его неестественно блестя и трудно понять, пьян он или просто веселит его оттого, что учуял он своим лобзачим нухом болдуку. Мне хочется сказать ему, что Сефид здесь, но я молчу. Да и не нужно это Быстрову, он сам знает не хуже меня.

После обеда идем в порт. Быстров весело рассказывает мне о своих встречах.

В порту идет погрузка. Высоко поднимаются греческие пароходы, в непра которых по трубам бегут элктронные дробы. Стан навар, поробом, голубой выветр на портном, подхатыная прослаивание сверху. Группы курортников с лобозубством смотрят на грузящиеся громады. Печально через борт свесил голову крепкий человек, предзнаменования должно быть на убой. Кто знает, будет ли при этом в эту дальнюю Феодосию из мучезной Греции и вот смотрит сейчас на страннй чужой город стеклянными, прозрачными глазами. На палубе ходят греки-матросы. Я смотрю на них с тем лобозубством, с которым мы, русские, теперь смотрим иностранцев. Это чужие люди, какие-то иные, не такие, как мы. Все непонятное привлекает нас.

Воле пристани стоит красный, масквоз прожаренный пароходик «Кафа». Память подсказывает мне, что в этом пароходиком связаны события 1905 года. Но я не в ту пору, я не в ту пору. Потемки метались по Черному морю, ища себе пристанища. Эта пловучая крепость, эта маленькая республика пришла в Феодосию. Имущихся матросы, всеми покинутые, готовились попать петлюшку. Они потрбовали прислать на бронированном корабле несколько сотен оловянных и железных и чтобы на броненосец явились депутаты от городского управления для переговоров и принятия решения. Отцы города поехали на «Кафу». Затем следовало — почему и митингами поехали на следствии, а потом в тюрьму. Это чужие люди и когда-то почему... Страшно подумать, что эта прожаренная развалина помнит грозные потемкинские дни.

Вода у пристани зеленая, видно пасечное дно, темные волосики качаются по воде, улещиваясь на тяжелые балки, которыми зашпичен гранит набережной.

Мои мысли образуются и я замечаю, что Быстрова не рядом со мной. Я сажусь на большую скамью и смотрю на воду, в которой дрожит заходящее солнце. Высок на греческом пароходе вдруг застался. В вечерних сумраках громада парового корабля мне более видна. Небо оловянное в оранжевый цвет и бросило яркие отсветы на море.

На рейде дым. Входит какой-то пароход. Быстров внезапно появляется из-за элеватора.

— Ну что, менташ?
— Смотрю.
— У вас много клует.
— Что клует?
— Так я тебе и сказал. Ты, ведь, и нашим и вашим. Сегодня со мной, а завтра к татаринку... Я невольно краснею и встаю.

Быстров? Ты шутить или говоришь серьезно?
— Я?... — он шурится и смотрит в сторону. — Должно быть, серьезно.

— Так вот что, Быстров. Если ты не веришь мне, ни мнением болдов не выводи. Если ты меня в чем-нибудь полдоразвещ — арестуй. Я не хочу обманывать тебя, да, я встречаю с Сефид, но это мне нужно, понимаешь? Нужно, как журналисту, как писателю...

— Те-те-те! Ты сам говорил, что он твой друг.

— Если хочешь, да. Мне нет дела до занятый Сефид, меня он интересет, как человек. Я не вмешиваю в вашу борьбу, я ни на твоей, ни на его стороне. Это ваше дело; но, Быстров, мне больше горько слышать от тебе то, что ты говоришь. Для меня ценна твоя дружба, но если она не нужна тебе, я не буду навязывать ее. Не веришь — арестуй.

Быстров смотрит на меня удивленно, потом улыбается широко и виновато.

— Ах, чорт тебе райдер! Интеллигент не считается. Сразу видно, что ты не марксист. Фу ты, ну ты, можки гнуть! Я ведь простой матрос и по-матроски смотрю на все. Нам некогда было заниматься этими всякими психологиями. Я попростому, а ты вон куда гнешь. Арестуй его! Да веришь в себе. И выдумывай же такую...

— Он искренне опечален нашей размовкой и мне тоже не по себе. Вечерние тени становятся гуще, прохлада подымается от моря и становится все более ошутливой. Вечерет быстро и незаметно, как может завертеть только у моря, у широкой просторы, где гуляют бесшумные морские ветры, свечение и свободное.

Быстров наклонился ко мне.

— Слушай. Сейчас будет самолет английского парохода. Мы можем увидеть, что они в Константи-

— Друг! Друг милый! Для нее все и только для нее...

тинопле взяли контрабанду. Понимаешь? Англичане хитры, как змеи, но и мы не думам хитрить. Хотите пойти с нами? — И вот мы идем по опустевшему темному коридору. Волны еле слышно эжжет, ударяясь о набережную, изредка слышен шепел голубых крыльев.

С берега видим мы, как мелкий самолет садится на причал грузовой пароход. Из причала собралась команда, смотрит на самолет, берет. Мне кажется, что я вижу капитана — сегод, колесо англичанина, который оловяно и превращенно смотрит на берег. И неожиданно мне становится их противен, хотя с детства я тайл в себе любовь к исповену Диккенс Лондоню и Киплингю, к английкам, как англичанам. Мне кажется, что я вижу упрямый подборок, крепкие скулы, твоякий затылок, говорящий о силе и власти. Мне кажется, что в пути он быт матрофов, и именно потоку матросов с таким лобозубством смотрит на советскую землю. Я забываю, что я библиолик, что никого видеть не могу, что падаю на землю смерти. Так, должно быть, это подсказывает мне мое воображение.

Слышны непонятные слова команды. Слышны призывы к дисциплине трупу. Я убеждаю, что был прав, представляя себе капитана именно таким. Идет докичивая проверка документов и тщательный кропотливый осмотр. Сначала я хожу за пограничниками, потом остаюсь на палубе и стою, прислонившись к бортику.

Парход освещен, уютно бьестя иллюминация, матросы прохоят мимо меня, всякий раз искоса взглядывая. По небу широкие веревки расфасованы звезды, среди которых нахожу я знакомые звездные глаза, в которые муритесь мне воспоминания, которые запомнились с раннего детства.

Минуты ползут, полные томления и ожидания. Неожиданно появляется рядом со мной Быстров.

— Ни черта! — шепчет он. — Спрятали пловы! Он стоит несколько секунд, глядя на горючие огни, видимо о чем-то думая. Совсем на меня навалилась фигура капитана, инстинктивно я делю шаг в сторону. Прямо на меня, в упор смотрит на меня его оловянные глаза, в которые муритесь мне воспоминания. О, как мне наслаждением я шмырнул это мордатое животное на палубу.

Капитан говорит. Ему кажется, что все это тянется осликом долго. Я с трудом понимаю его восклицания.

— Проклятые советы! — ворчит он, обывая нас запалком рома табака — проклятия слани. Эти советские извальные не могут считаться с тем, что под зашитой его величества, короля Великобритании.

Быстров вдруг сврагается с места и бежит в один из трапов. Англичанин, недовольно поспавая, следует за ним.

Пограничники поднимаются на палубу и вплотную обмениваются впечатлениями. Тускло мерцают береговые огни. На Гангузской стороне шумно и весело. Матросы ищут разрешения сойти на берег, где есть вода и земляны. Становится сыро, как всегда на море ночью. Мне кажется подосредительной тишиной, воарившаяся на пароходе, мне кажется, что в кошачьей походке матросов есть какая-то скрытая угроза, а я снова иду на палубу и широкий провал отделяет меня от берега. Прощай, берег! Прощай невидимое море. Прощай ты нервы!

— А тишина становится томительной и мучающей. Так тихо, что слышны голоса с бульвара, и становится легче, когда там начинает играть духовой оркестр бразильского марша.

— Ну, чего они лепчат? — Пойти бы к огням кабакчон, есть за столки, над которыми неспо стелит лампочка, прикрытая уютными абакуром, смотреть на веренища прохожих...

— Это слово Быстрова. Я вразливаю и крепко вливаюсь руками в поручни. Сразу на пароходе становится шумно. Я слышу скрипящий, неприятный голос капитана, коверкающего русские слова, вразливающей, неослабевающей оловянной голос Быстрова, и голос Быстрова выходит на палубу, пограничники выносят металлические ящики. Капитан стоит, куцывая губы, опустив голову, крепко упершись растопыренными ногтями, точно собираясь боднуть кого-нибудь.

— На берегу Быстров объясняет мне: — Запрятал в ящик с пресной водой, что там маешь? А что-то! Додумались! — А там-то как протиснулся? — Я?..

Он смеется и глаза его блещет.

Пограничник с Быстровым уходит. Я выхожу на бульвар и только здесь замечаю, что земля дрожит ногой, сербачение и кружится голова, точно я перенес какое-то сильное потрясение. Мне смешно и совестно.

Я опускаюсь на ближайшую скамейку, слушаю быстрые медленные звуки оркестра и с наслаждением смотрю на стройную молоденькую девушку, которая проходит по ночку с молодым человеком в белом костюме.

И только когда вижу пьяной и терпкой, как молодое вино и голова кружится назад, и кажется чернее от этой пьяной крымской ночи...

Есть такое очарование в крымских ночах. Мне кажется, что в ярких, солнечных днях.

Мимо протести в ярких, солнечных днях. Мимо туманные дали, полурты жаркой дымной луны, разволнованные громады деревьев и слышны леслы в горчич воздушных струях. Есть большое очарование в игре красок неба и моря, в палещем солнце, в черных тенях; по ночам я никогда не уставал смотреть в беспредельности, в звуках и в запахах. Ночами нечеловечески огромные звезды и звезды и звезды закрты для человеческого глаза. В уютно тумане фантазии рисовала мне звезды, которые никогда наяву не появляются перед моими глазами. В ночах есть то очарование, о котором я никогда не устану писать, которое никогда не забуду. Никогда не забуду мое волшебной ночи в Самарканде на Рыгистане, окутанном луной голубой пылью. Живое свержение голубых минератов, унизанных затейливыми арабесками... Длинны вопль деришва, нарушающий каменное молчание громады Мешеджики. А ночь восточная Африка, рядом с красавцем-мавозем Шах-Зинна? С одной стороны спокойное мусульманское кладбище, с другой — широкая парора моря городских огней. В чайхане Капар-Асама идет меня певец, который будет мне петь старые убаюкивающие песни, которые я когда-то учула...

Ах, восточные ночи! В них таинственное волнение, в них непостижимо величие, в них красота, спокойствие старого, сегод Востока...

Плывет ночь над Феодосией. — Ночью прохоят и застывает меня люблю походить в темноте. Стихла музыка и парочки ушли. В домах отдыха легли спать. Изредка проидет запоздалый путник, покосится на меня и пойдет своей дорогой. Надо пойти проведать татарина. По бульвару бредет поспавший моряк. Я захожу к нему.

— Ты знаешь Грека?
— Какого?
— На Армянской.
— Поняно знаю, а что?
— Мне куда идти ночью?

— Идем вместе. Угостить вином.

— Идем.

Он берет меня под руку.

Через несколько минут мы приходим в низкий душный кабак. Здесь накурено по такой степени, что сквоб платный, лиловатый дым не видно соседа. За одним из столиков группа матросов с английского парохода. Что, если они меня запомини? Но они пьяны и не обращают на меня никакого внимания.

Я слышу громкий голос, несущийся через весь кабак:

— Друг! Давно ждлу! Или сюда.

В углу сидит Сефди. От прежней самоуверенности в нем не осталось ничего. Ворот его пальцы расстегнут, он пьян и бледен. С ним сидят пьяные татары. Мне освобождают место, приносят вино. Сефди ложится грудью на стол и плачет пьяными, мелкими слезами.

Я горячаясь, что Быстров разрушил его планы и он пришел вином заливать свое поражение.

— Друг! Друг милый! Для нее все, только для нее, для маленькой Гюльсун. Ах, голова моя пьяная, все поезда к черту. Пей, друг, пей, вино у Грека самое лучшее. Грек, вина!

— Вы пьяны, Сефди!
— Я пьян? Врешь! Я не пьян. Сефди не бывает пьяным. Сефди тяжело. Орла обвели вокруг пальца.

Англиские коряки пьют водку, не закусывая, напряженно смотря перед собой. Длинный, один глаз его закрыт черным пластырем. Он раскачивается в такт музыке. Рядом с ним стоит маленький, толстенный грек, бьющий о непоправимым мастерством в бубен. Пара эта напоминает мне кинематографических Пата и Паташона. Впрочем, я плохо соображаю.

Сефди, пошатываясь, встает и обнимает меня. Мы куда-то идем, качаясь, наталкиваясь на других посетителей. В минуты просветления я слышу татарицу:

- Как вы не боитесь, Сефди?
- Мне стереугт.
- Кто?
- Мои.

И точно, я вижу несколько фигур, неотступно следующих за нами. Его стереугт, его не выдают. Сефди, тебя жидет твоя маленькая Гюльсун в далеком Кутлаке! Сефди, выпьем, милый! Душа моя полна любви к этому человеку.

Потом не знаю что. Мы в какой-то комнате. Приходит свой стрик и играет нам на кларнете длинные, вдумчивые восточные напевы. В этих напевах слышны очарование восточных ночей, прелесть восточного неба, бесконечно дорогой для меня восточный бат. Хмель выходит из головы. Клявша, музыка действует на меня стрелками, но всегда, я весь отдаюсь музыке. Бесконечная гурда наполняет меня, тоска по далеким горам, по далеким пространствам. Кто знает, куда за я их когда-нибудь? Придет ли мне жить на равнинах Биб-Ханым, придет ли мне когда-нибудь сидеть над тихими прудами в Бухаре? Я странствую Востоком, моя жизнь там... Или это только мое воображае?..

...Тускло мерцает лампочка.

Музыкант выводит монотонные трели. В неликое окошко видна мне бархатная ибелая шнь, покрытая разводами звезда.

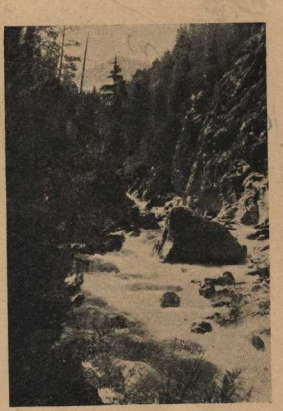
Сефди наклоняется ко мне и шепчет:

- Прощай! Меня жидет моя шхуна.
- Ушел.
- Светает.

Ночь медленно тает над Феодосией.

В Т Е Б Е Р Д У !

И. АЛИКАНТОВ

В ущелье Куначира

ми условиями. Таких удобных пунктов, откуда можно делать в высшей степени интересные вылазки в природу, на Кавказе многоство. И один из самых доступных из них—Теберда.

Это—небольшой но быстро развивающийся курорт, вернее—поселок в несколько десятков домов, расположенный в Карачаевской автономной области, в очаровательной долине реки Теберды (приток Кубани), на высоте 1.500 м. над уровнем моря, в окружении довольно высоких гор (до 3.000 м.). Зеленая Тебердинская долина, жидкая, таит от густых лесов, покрывающих ее склоны, упрятана прямо в Главный хребет. Его сверкающие осветительной белизной снежные вершины—составляют резкий контраст с зеленой елей, пихт, дуба, чинара, орешника и величавоосени, из которых почти достигают 3-4 обхватов. Теберда лежит на Военно-Сухумской дороге, одной из красивейших перевальных дорог.

Проехать в Теберду нетрудно. Доехав до станции Невинномисской (Сев.-Кавк. ж. д.—388 км. от Ростова, около 100 км. не доезжая ст. Минеральные Воды), следует переосеть на только что выстроенную ветку по Батальпашинка (50 км.). От Батальпашинка, в 4 км. от ст. в 4 километрах за ним, начинается Сухумское шоссе—телегр., в сущности, проселочная дорога. По ней можно либо в о х а т л ю Теберды (100 км.) на автомобиле—в день (около 100 рублей с человека), на мажоре или линейке—в 1 1/2—2 дня (по 5—7 руб. с человека), либо дойти пешком, что предостит трудную и нетрудную прогулку на 3—4 дня. На 16-м километре этого пути—село Дзеганаск и затем станция Дзегтинская (горские евреи). Затем дорога входит в ущелье реки Кубани и идет по крутому берегу вправо берега—это так называемая Учкулукка (80—150 м. над рекой). Через 18 километров дорога по крутому берегу, Мышиной тропе, приводит к аулу Хумаринскому (кабардинцы). На полдороге между Батальпашинским и Тебердой—аул Георгиево-Остегинский (остегины), откуда, собственно, начинается самая красивая часть пути, когда человек, расставшись с желтой, серойли Кубанью, сворачивает вправо в курлявую от лесов горную долину голубой реки Теберды. Это уже земля карачаевцев, которые как раз на стыке Кубани и Теберды неваднее от аула Кеменишского. Отсюда стартует еще одна часть пути на границе Большого (по Кубани) и Малого (по Теберде) Карачая. На полдороге от аула Остегинского до Теберды (25 км.) лежит аул Селты, с примитивнейшими допотопными жилищами кабардинцев—мазанками без окон—и с. Селтинским монастырем (сходошная вода). Отсюда 12 км. до аула Тебердинского и столько же от него до самого курорта.

В Теберде всегда можно найти комнату или ночлег, там есть базар, лавки, колхозплатя, есть аптека, врачи, санатории, пансионаты, почта, телеграф, проводники, лошади, газетный киоск. Можно доставать дешевые сапоги, шапки и пр. Белье, одежда, экскурсионная экипировка (шкелет), где можно получить всякие справки и отбуда

организуются разнообразные пешеходные экскурсии. Обосновавшись в Теберде, как в штаб-квартире, отдохнув и выбрав подходящую погоду, можно проиступить к прогулкам и экскурсиям близким и дальним, длительностью от 3—4 часов до 5 суток.

Перечислять подробно маршруты экскурсий в Теберды здесь не место. Но стоит указать—в безусловных преуменьшении,—что достаточно повертеться в любую сторону и пойти по любой дороге на тропинке, чтобы начать интереснейшую прогулку, так богата живописными и величественными окрестностями вся эта местность.

Если пойти назад от Главного хребта и свернуть и в п р а в о—в долину горной реки Дзеганка, перед туристом откроется в узком, плоском поросшем лесом, ущелье чудесная «Долина слез» а прямо—долина Дзегангата, где глет вешевый Нарзан; дальше за истинноном—пути на перевал Этнич (2.575 м.), откуда видна панорама всего хребта с величественным Эльбрусом по горе.

Если пойти от Теберды назад и свернуть в л е в о, в долину реки Мухи, перед туристом откроется самая длинная Мухи с Мухинскими озерцами долина Азгекса с несколькими исками (очевьями) карачаевцев и очаровательными агекскими озерами в рамке снегов.

Обоку самой Теберды (справа, если смотреть к хребту)—Полова Гора (2.838 м.), откуда грандиозный вид на ближайшим вершинам хребта. Прекрасна экскурсия к голубым Бадукским озерам (справа от Теберды); тут по направлению к хребту, затем—по ложбинке ручья Хаджиня, или ущелью ручья Валуна—три лежащих одно за другим изумительных озеро-зеленых озера (само большее—300х300 м.) в обрамлении густых горных лесов.

Самая близкая прогулка—дальше по Сухумской дороге, к водопаду «Шумка» (высота падения воды—15 м.), около 7 км.

ТЕБЕРДИНСКАЯ ДОЛИНА Вдали—сигналы горы Главного хребта, как они в. дни из курорта Теберды

Гора Чорна с Клухорского перевала

Высшая точка Клухорского перевала

Ледник Амануса

Дальше по шоссе можно пройти к ручью Мурудик, взобраться к мрячам Мурудикским озерам, лежащим среди диких скал, и далее (трудный путь) к Мурудикским ледникам.

Еще дальше по шоссе, которое в этих местах нет все время над рекой Тебердой, то прячась в густых лесах то вылезая из-под их тени, мимо полей Кен-Тала, откуда чудесный вид на близкие громады Главного хребта, можно дойти до ущелья великого ручья Куначикра, одного из красивейших мест всей Сухумской дороги.

Отсюда, перейдя К начир, через 7 км. пути вдоль Теберды перебираясь через ее ручьи в тенистом лесу огромных пихт, сосен и чинары, можно выйти на Довбоксую поляну—это именно одна из самых лучших тебердинских окрестностей. Здесь, как раз у подножия снеговых великанов—Домбай-Ульгена, Амануса, Али-Бека и других, сходится их короткие долины, замкнутые величественными ледниками. Из них ледник Али-Бека особенно негоя для полема, а изумительно красивый ледник Амануса поражает и роскошью флоры по пути к нему, и грандиозной ледной пещерой, откуда вытекает ручей Амануса, и обширы величественных громад, сплывшихся над ним. Здесь можно побродить несколько дней, ночя либо в лесу под деревьями, либо в пущих юках.

Если проложить путь до шоссе воль Куначикра, то дорога приведет к Клухорскому перевалу (35 км. от Теберды). Перечесывая в лесу у бышей сторожки (конторки), утром поднимаются по

крутой тропе на самый перевал (2.816 м.—еще Крестового перевала по Весенно-Грузинский дороге на 137 м.), мимо очаровательного бирюзового Клухорского озера (размером 600×400 м. и 35 м. глубиной). С перевала видна долина реки Клыча, в которую спускаются те, кто идет дальше на Сухум. Возвращаясь отсюда в Тебурд, нельзя устоять перед собланом, чтобы не свернуть из ущелья Куначикра в боковую долину Бу-Ульгена. По ней, затратив лишний день пути, можно взобраться на Главный хребт чтобы полюбоваться оттуда несравненным видом на южный скат его и на далекую ширь голубого моря, видную только отсюда и не видную с Клухора.

Здесь кратко перечислены только некоторые экскурсионныя на Теберды по тем главным направлениям, которые сами собой напрашиваются для всякого, кто окажется на этом курорте.

А сколько увлекательных прогулок открывается здесь для любителей поохотиться! Сколько в окрестностях зверья для охотника, форели в Теберде для рыболова, красивых мест для фотографа и художника, сколько материала для геолога, ботаника!

Ознакомившись с Тебердинским районом, получая незаметно навыков к горным прогулкам, побывав на доступнейших ледниках, начинающий турист увидит отсюда и своей городской работе отдохнувшим, обновленным яркими впечатлениями и чистым горным воздухом, увидит, навсегда отравленный очарованием горного Кавказа, с твердым решением еще и еще раз забраться в его джбры, ставя на основе растущего опыта все более

Ледник и озеро у Клухорского перевала (2.800 м.) широкие задачи по ознакомлению с этим краем, все дальше и глубже проникая в тайны этой удивительной страны.

КАК ЖИТЬ ЛЕТОМ

Л. И.

Летний период, дающий большой простор для широкого применения средств физкультуры, одновременно требует и большего внимания к уходу за собой. Выходя утром на свежий воздух, большим количеством болезнетворных бактерий. Пыль эта оседает на одежде, обуви, коже, проникает в щели помещений. Зато летом имеются богатые возможности укрепить силы, закалить организм путем применения солнечных ванн, водных процедур. Теплое время года позволяет проводить больше времени на воздухе.

ПРАВИЛА УХОДА ЗА ТЕЛОМ

Лето предъявляет большие требования, но в то же время дает и больше возможности в отношении ухода за кожей.

Прежде всего следует поставить вопрос об ежедневных обтираниях и обмываниях тела. Ванна ограничивается только мытьем лица и рук. Следует взять за правило, то лучше иметь чистые ноги, чем отделанные ногти.

ВОЛОСЫ

Уход за волосами следует понимать, как уход за кожей поверхности—почвой, где растут волосы. Ежедневно мить голову с мылом не следует. Это затруднит работу салных желез. Не промывать тщательно голову водой,

расстирать волосы досуха и расчесывать их—являясь, есть необходимой формой ежедневного ухода. Такая процедура увеличивает приток крови к кожной поверхности, а, следовательно, благоприятно отражается и на росте волос. Привычку коротко стричь волосы или стричь голову следует рассмотреть с той точки зрения, что здесь облегчается возможность доступа волос, сеета и расширения на кожную поверхность.

При уходе за волосами значительную роль играет применение отдуха. Обильные являются результатом как моговой работы, так и неправильного образа жизни, недостаточного сна.

При усиленной умственной работе кровеносные сосуды мозга расширяются и отнимают значительную часть крови от кожи головы. Во время отдуха и сна мозг освобождается от излишнего наполнения его кровью, тогда кровь идет в большем количестве к коже головы.

ЗАКАЛИВАНИЕ

Выработка в организме устойчивости от различных заболеваний, способности легко применяться к сильным колебаниям температуры, неблагоприятным влияниям погоды—является целью закаливания. Закаливание—это гимнастика кожи при помощи воздушных и солнечных ванн и водных процедур.

ВОЗДУШНЫЕ ВАННЫ

В чистом виде воздушные ванны можно рекомендовать для слабых физически, не решающихся или не могущих по состоянию здоровья заниматься, хотя бы в умеренном виде, тем или иным спортом. Занятия спортом в легкой одежде—трюсиках или плавках (у пловцов)—одновременно является и хорошей воздушной ванной.

В тех случаях, когда незакаленные еще лица впервые выходят на воздух в обильном виде, им следует применять следующие правила: воздушные ванны берутся при температуре 15—18°С.; вначале пребывание на воздухе ограничивается 10—20 минутами; постепенно ванна продлевается и больше время, доходя до 1 часа. Следует не допускать появления ощущения озноба. В таких случаях необходимо предельвать какие-либо упражнения или одеваться. Продолжительные воздушные ванны всегда следует связывать с занятиями физическими упражнениями.

СОЛНЕЧНЫЕ ВАННЫ

Лучшее время для приема солнечных ванн в течение первой половины лета—до полудня. Ванны следует принимать совершенно обильным, закрывая голову от солнечных лучей.

Для того, чтобы не было излишней потери тепла, следует принимать ванну при температуре воздуха не ниже 26° С.

Для принятия ванн можно рекомендовать следующий примерный режим: первые два дня по 30 минут; третий и четвертый дни—40—50 минут; пятый и шестой дни—от 1 ч. до 1½ часов.

Ванны принимаются с перерывом минут на 15, во время которого следует отдохнуть в тени.

По окончании ванны следует омыться водой, тщательно растереться и отдохнуть в тени 20—

30 минут. Непосредственно после солнечной ванны отправляться куда-либо не следует.

Следует учитывать, что при неумеренном пользовании солнечные лучи способны вызывать не только ожоги тела, но и головную боль, сухость слизистой оболочки носа, насморк и даже predisполагают к инфекционным заболеваниям. Поэтому необходимо тщательно дозировать пользование солнечными лучами и помнить, что сильное всего действуют лучи в горах, затем—на больших водных пространствах (моря, озера). Каждые 10—15 минут следует поворачиваться, подставляя солнцу новую часть тела.

ВОДЯНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Купание и другие водные процедуры, проводимые на воздухе, являются в то же время и воздушными ваннами. Помимо общего закаляющего действия, правильно выполняемая водная процедура является надежным средством в борьбе с усталостью, переутомлением, с нервозностью, с общей вялостью и слабостью организма. В то же время применение слишком холодной воды при состоянии здоровья, не допускающем купания в холодной или прохладной воде, слишком продолжительное пребывание в воде могут вызвать и отрицательные последствия. Нельзя купаться после приема пищи (не ранее, чем через два часа), при возбуждении сердца. Не рекомендуется купаться в часы наибольшей жары. Лучшие часы для купания и обливания—утро и вечер. Не следует зябнуть до, во время и после купания. В воду следует идти с теплой кожей. Особая осторожность требуется лицам с большим сердцем.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ

Для лета более подходят гладкие и светлые ткани. Для белья лучше всего брать полотно, как легче стирается.

Следует взять за правило—при возвращении домой тщательно почистить одежду и обувь. Обычно молодежь, возвращаясь после работы домой, в лучшем случае вымывает лицо и руки, не обращая никакого внимания на одежду и обувь. Зато утром, выходя на улицу, наиболее аккуратные тщательно чистятся, доводят

обувь до блеска и т. п. Нужно делать наоборот. На одежду и обувь вместе с густым слоем пыли мы приносим домой болезнетворных бактерий, не говоря уже о грязи.

Летняя одежда должна быть более свободной, чем зимняя. Следует предпочитать открытые ворота, широкие рукава и т. д.

Из обуви у нас большое распространение летом имеют сандалии. Хорошая гигиеническая обувь, которую можно одевать прямо на босую ногу (ноги следует тщательно мыть вечером), сандалии обладают одним основным недостатком: они непрочны. Следует делать сандалии на крепкой подошве, с небольшим каблучком. Лицам, которым приходится по условиям работы долго стоять на ногах или двигаться непрерывно, особенно с грузом в руках или за плечами, следует

иметь небольшие каблуки и обувь на широкой подошве. Узкая обувь уменьшает устойчивость, усиливает мышечное напряжение при ходьбе и стоянии; обувь без каблуков может способствовать развитию плоскостопия в целом ряде профессий.

ПИТАНИЕ

Не следует допускать значительных перемен питания на зиму или на летнее время. Науч.

ными наблюдениями достаточно установлено, что организм должен сию же приспособляться к каждой перемене пищи. Во всяком случае, летом следует уменьшить потребление мяса, усилить питание за счет овощей, плодов, творога, молока. Установлено, что между потреблением мяса и приемом солнечных ванн (проф. В. Е. Игнатьев) существует некоторый антагонизм. Лицам, усиленно пользующимся солнцем, рекомендуется на данный период времени отказаться почти совсем или свести до минимума потребление мяса. При усиленных занятиях спортом летом следует учитывать питание за счет жиров, белков (масло, яйца, сыр) и сахара, не сокращая, конечно, потребления овощей и плодов.

Молоко является ценным средством питания, но потреблять его следует тогда, когда есть основание не сомневаться в качестве этого продукта.

Фрукты—важный продукт питания летом—не всегда хорошо действуют на желудок. К употреблению фруктов следует приучать себя постепенно.

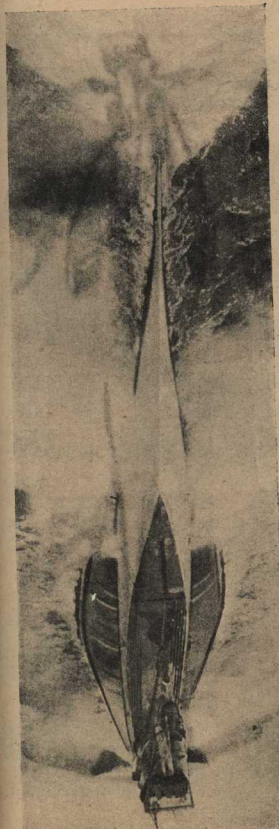
В жаркие дни многим из нас приходится страдать от жажды, в виду усиленного потоотделения. С другой стороны, чем больше пьешь, тем больше потеешь. Поэтому рекомендуется не утолять жажду холодной водой, которой в жаркий день хочется выпить больше, чем нужно. Лучше выпить чаю или теплой воды с лимонной или о лимонной—нибуль фруктовым соком.

Что касается нормы жирности, то таковая составляет 2—3 литра в день. Эту норму мы обычно получаем в обычной пище, в состав которой входит много воды.

О потреблении алкоголя говорить здесь не приходится. Во все времена года от алкоголя, даже в самых умеренных дозах, следует воздерживаться.

В следующем № «СМЕНЫ» читатели найдут богатейший материал
О НАРОДАХ СССР

Так начинается война

Никогда опасность новой войны не была так близка, как сейчас. Решение твердых консерваторов разорвать с нами сношения, гнусное убийство белоохранского шенком тов. Войкова в Варшаве, шпионско-террористические акты в СССР с клеймом „Made in England“ в таком темпе разворачиваются события. Это ли не сигналы к разжиганию новой мировой войны?

Конечно, никто из руководителей английской буржуазии не говорит еще открыто о войне против СССР, но несомненно, что подготовка к этому, и экономическая и политическая, ведется. Буржуазия всегда старается подготовить войну в тиши, облакая эту подготовку в фразы миролюбия.

Оркестры играют фокстроты и избитые шантанские мотивы. Улицы запружены толпами благообразных английских буржуа и их высохших дражайших половинок. Они изображают патриотизм масс. Молодые „Томми Аткинсы“—завербованные волонтеры—брано шагают по лондонским улицам, направляясь в порт, где их ожидают идущие в Китай военные суда. Газетные рептилии всех мастей и окрасок, в тех или иных тонах, но в общем в унисон, поют под руководством какой-то невидимой дирижерской палочки.

Так начинается война!..

Одной из способностей живучей еще буржуазии является умение под прикрытием газовой идеологической атаки незримо поставить широкие народные массы перед фактом: война началась.

Еще где-то в парламентах спорят о недопустимости интервенции в Китае,

вегетарианские пацифисты доказывают цитатами из ветхого завета недопустимость войны, а в портах уже грузятся танки, аэропланы и сестры милосердия.

Одновременно используются все средства для того, чтобы овладеть умами широких народных масс, в первую очередь рабочих, для создания единого национального фронта защиты „невинных“ английских граждан, погибших от рук зверских китайцев.

Мы не хотим войны. Наше правительство напрягает все усилия чтобы сохранить мирные отношения с капиталистическим миром. Но это не значит, что мы должны благоденствовать, не готовясь к возможной в один прекрасный день непосредственной провокации войны.

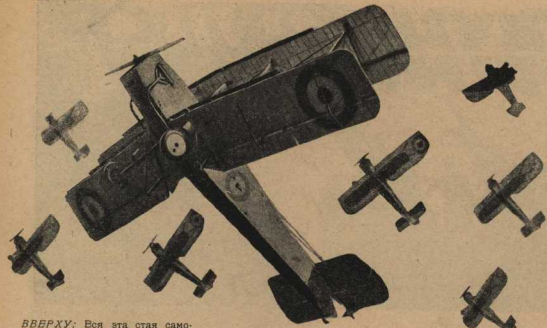
В наших руках имеется такое оружие, которым не могут похвастаться наши враги. Это оружие—единая воля трудящихся СССР защищать до конца столь дорого доставшуюся им свободу. На это единство фронта и тыла не сможет рассчитывать ни одно буржуазное правительство, а в будущей войне судьбы будут решаться не только соотношением сил на фронте, но и крепостью тыла.

Рабочие же массы капиталистического Запада вряд ли будут поддерживать своих капиталистов в борьбе против первой в мире республики рабочих и крестьян.

Уметь владеть винтовкой, обращаться с противогАЗами—должно стать для каждого комсомольца и комсомолки такой же обязанностью, как разбираться в основах политграмоты.

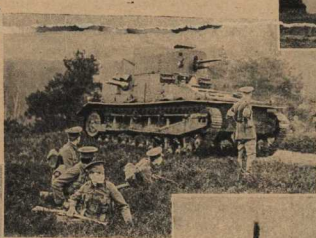
Надвигается война...

ВОТ ЧЕМ ГРОЗЯТ

ВВЕРХУ: Если эта стая самолетов — жакриды, охотники за бомбовоз (большой самолет в центре) — может быть сбита в течение трех — пяти минут одной зенитной батареей из 4-х орудий, если будет держаться ниже 2—2½ верст. Самолет стоит 30—50 тысяч руб. (снаряды 300—500 тысяч руб.), батарея расстреляет снаряды не более, как на 6—8 тысяч рублей.

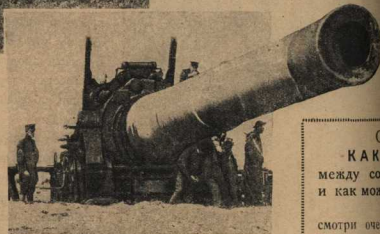
СПРАВА: Тяжелый танк — английский. Может занять любую позицию. Пехота РККА имеет в каждом батальоне два орудия. Каждое из них может в одну-две минуты заменить такой танк, и через 3—5 минут дивизионная ар-

Самолеты в борьбе с танками. Группы самолетов дивизионная артиллерия и танки.

тиллерия (которой не успевать стрелять по двигающемуся танку) пробивает его броню и уничтожает при слугу.

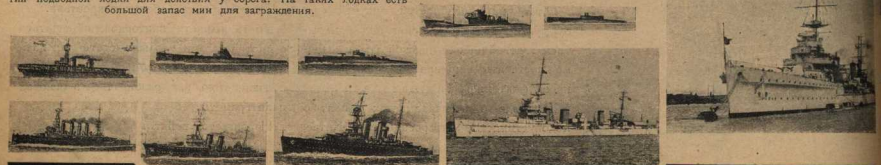
О ТО
КАК
между собой
и как может
смотри очер

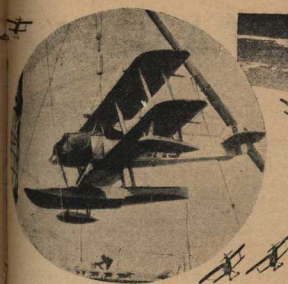
ВВЕРХУ и СПРАВА: Самая большая пушка в мире. Слева — в положении зарядки, вверху — в момент стрельбы. Ее снаряд весит 75 пудов. Эта пушка — сильнейшее орудие для борьбы с флотом. Хотя меткость артиллерии в морском бою не велика (не больше, чем 5—7 тяжелых снарядов попадают в цель из 100 выпущенных), но 4—5 снарядов могут утопить большую дредноут, кроме того, меткость стрельбы с берега немного выше (6—8%). В морской крепости таких огромных орудий очень мало (10—20), главная масса артиллерии (100—30) защищает эти крупнейшие орудия от атак пехоты по сухопутью. Пушка выдерживает не более 60—80 выстрелов, после чего ее надо ремонтировать. Стоимость пушки свыше 1½ миллиона рублей, один выстрел стоит 4—5 тысяч рублей.

ВНИЗУ, ВЕРХНИЙ РЯД СЛЕВА НАПРАВО: 1) Авиоматка. Назначение ее описано выше. 2) и 3) Подводные лодки для борьбы с неприятельской морской торговлей. На службе пушки, снаряды которых не только тратят далеко не на исходе суток; каждая торпеда стоит от 10 до 20 тысяч рублей. 4) Подводная лодка с большим радиусом действия; но ее приподнят для повышения мореходных качеств. 5) Оборонительный тип подводной лодки для действия у берега. На таких лодках есть большой запас мин для заграждения.

Типы военных судов

ВНИЗУ, НИЖНИЙ РЯД СЛЕВА НАПРАВО: 1) и 2) — Корабли дредноутного периода. В настоящее время это просто железные коробки, которые могут быть утоплены современными кораблем без всякого труда и потери времени. 3) и 4) Английские легкие крейсера-разведчики. Крейсера такого типа бомбардировали Нанкин и нанесли вкаты в Балтийское море.

В ВЕРХНЕМ УГЛУ СПРАВА: Моменты американского флота. Эскадра, идущая в боевом порядке, прикрывается громадной дымовой завесой, которую она выбрасывает из себя так же, как льдо-исранные капиталисты прикрывают их разбойничью политику речами о разоружении.

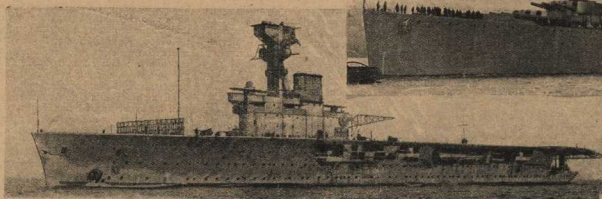
СПРАВА: На маневрах американского флота. Газовый зонт, который выбрасывает над собой судно, прикрываясь им от преследований неприятельского авроплана.

Самолет атакует бомбами цель наступающих тяжелых артиллерийских батарей. Самолет быстро пристрелялся по быстро двигающимся.

ИСТОРИЧЕСКИЕ "МИРОТВОРЦЫ"

С
Ювища
С С НИМИ
страните

ВВЕРХУ СПРАВА:

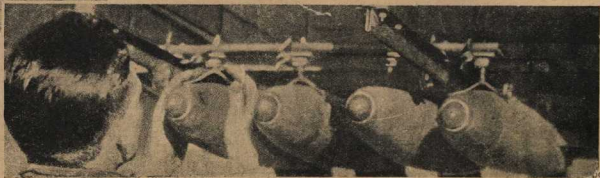
Английский офицер в притомительной маске.

ВВЕРХУ: Испытание величайшего в мире английского военного корабля «Нельсон». Работа по его постройке началась в 1922 году и была закончена лишь через 41 год. Длина «Нельсона»—600 футов, он вооружен девятью 16-дюймовыми орудиями и большим количеством мелких орудий. 16-дюймовые помещаются на трехэтажной вращающейся башне (см. на фот.). Скорость—23 морских узла в час. Водоизмещение—35.000 тонн.

ВНИЗУ: Линейный крейсер. Скорость его хода—30 узлов, вооружение—восемь орудий калибра 13½—14". Мощное оружие боя и разведки. Командование: маневренная группа в распоряжении командующего флотом или эскадрой.

ВНИЗУ СПРАВА: Крепление авиа-бомб к днищу самолета. Приведенные на фотографии бомбы весят 5—6 тонн и при удачном попадании могут совершенно разрушить небольшой двух-трехэтажный дом.

ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ ТАНКА

Черк Я. ТЯЖАРТА

Капиталистический мир лихорадочно готовится к грядущим военным столкновениям. Если об этом с достаточной убедительностью говорят ряд военных обозревателей, то особенно старания по увеличению технических средств борьбы и защиты има человека-бойца обнаруживает тенденция этой подготовки.

Представители европейского милитаризма о будущей войне

По вопросу о будущей войне прежде всего приходится обращаться к представителям европейской мысли. Кто, как не эти мастера своего дела, заботится о неуязвимом огне перед глазами.

Фудлер в Англии, стране с мощной механической промышленностью, пропагандирует новые формы войны: тысячи, десятки тысяч танков, могущих сломать любую оборону, пулеметы, пушки, автоматы и аппараты для выпуска газа, займут страну, которая осмелится сопротивляться интересам британских капиталистов.

Герард Дуа в Италии — в белой стране со слабой металлической промышленностью и развивающейся во время мировой войны авиационной — пропагандирует создание особой воздушной армии (самолет-самое дешевое оружие), совершенно независимой от остальных вооруженных сил, задачей которой ставится не борьба с воздушными силами противника, а исключительная налеты и терроризирование его территории.

Франция, сила которой увеличивается за время войны и системы войны на чудовищном развитии артиллерии, на забрасывании противника градом снарядов, медленным выжигании фронта противника.

Приравненная контролю победы гибкостью маневрирования своих войск, умелым сочетанием употребления разрешенных ей в мирное время боевых средств и тех, которые она построит уже во время войны.

Эти специфические черты тактики, определяющие состояние и уровень техники этих стран, при всех различиях имеют общее стремление — избавиться от массовых многочисленных армий вооруженного народа, от вооружения масс пролетариата. Капиталисты хотят остаться в единичности с огромным количеством машин, обслуживаемых небольшой «надежной» армией, которой буржуазия сможет доверить защиту своих интересов.

Картины будущей войны по фантазии представляются разными империалистическими групп какжутся понятием чудовищными. Дуа рисует картины систематического уничтожения (разрывных и отравляющих бомбами) всех крупных промышленных центров противника. Он даже делает расчеты численности проектируемой воздушной армии и рассчитывает с подробностями, как это все получается дешево и просто.

О Фудлере, помышляющем на танках, у нас много писалось. Сказанное выше полностью охватывает его идеи. Французы хотят расположить немощнослепую технику впереди и позади линии фронта, издавая тысячи пушек всех калибров, которые дикохотят пробить все живое вперед; тогда почта провозглашает до предела дальности артиллерийского огня и удерживает позиции до тех пор, пока армия не переселится далеко и не сможет пережить свой огонь вперед.

Сочетание всех трех способов, по видимости, можно было бы комбинировать совершенно ужасно — это было бы гололовным истреблением всего живого в пограничной полосе шириной в 200—300 верст, в том числе и организмы, снабженные радио, и в саковой армии.

Однако, все эти построения (кстати сказать, наивенно и технически вполне осуществимые) являются чистой фантазией уже потому, что ни одна страна мира не способна произвести то огромное количество военных материалов, которых потребуют такие приемы и способы ведения войны.

Машины в борьбе между собой и люди в борьбе с машинами

Если даже предположить, что эти планы действительно осуществимы, то и в таком положении не трудно обнаружить ряд противоречий.

Например, война одним танками — чистойшая

Танк может взять почти любую позицию, особенно если танков много, а артиллерия защиты не особенно сильна или плохо подготовлена к противотанковой борьбе, но низкое количество танков не может удерживать захваченную позицию от повторного захвата хорошо обученной и организованной пехоты.

Во время гражданской войны на юге было много случаев (особенно на подступах к Крыму), когда не только пехота, но даже конница, той или иной перед наступлениями танками, ночью возвращалась и атаковала танки новыми гранатами, распространяла присылку их из винтовок через бойницы и либо захватывала танки в плен, либо уничтожала их.

При совершенстве вооружений силы сторон не будут очень резко отличаться, и технические средства борьбы, накопленные в мирное время, будут влиять на ход военных действий только первые месяцы.

Самолеты, танки, тяжелая и тяжелая артиллерия очень быстро изнашиваются, требуют капитального ремонта или выходят вовсе из строя. Война примет более примитивные формы по тому времени, когда мобилизованная промышленность станет подавать технические средства борьбы в достаточном количестве.

Этот промежуток будет довольно велик — уступ в борьбе в это время не будет в пользу боя, его в учении меньше, вчерашнее сознание своих классовых интересов.

Есть и еще одно обстоятельство, препятствующее осуществлению «войны машин» в широком масштабе — это специализированность технических средств войны и невозможность применения их во всех случаях боевых обстановок.

Танк может отчасти заменить артиллерию при наступлении, но почти никакой роли не может играть при обороне (особенно главнейшее его достоинство: сочетание движения с огнем), а танк это — сильнее, чем все оружие, вошедшее в употребление в войну 1914—1918.

Самолет отчасти может заменить артиллерию дальнего действия, но тогда, как сверхдальнейшая пушка может беспрепятственно обстреливать любую цель в пределах досягаемости, самолет может сделать это только при отсутствии у противника противозенитной обороны; истребительная авиация и зенитной артиллерии.

Если даже истребительная авиация у обороняющегося нет, то огонь зенитной артиллерии заставляет бомбардировщика держаться на такой высоте, с которой меткость попадания танком, действующая в то время, будет уже невелика, что увеличивает расход на производство такого же эффекта поражения.

Разведывательная работа самолетов только отчасти может заменить конницу, так как конница не только знает, где противник находится, да и боевая авиация этой задачи разрешить не может. Кроме того, для разведки ночью авиация совершенно не годится.

Но зато авиация может бороться с танками (низко летящий самолет бьет даже уходящего веса истребитель танк со всеми его потрохами). Это уже борьба волею средств войны между собой.

Химические средства войны (газы) применимы не при всякой погоде. Стойкие отравляющие вещества надолго задерживаются и не дают своим же войскам занять район, на котором ушел и газ, и боевая авиация этой задачи разрешить не может. Кроме того, не стойкие же действительны только против плохо обученных, мало дисциплинированных войск, непогожденных к отражению химической атаки и к защите от нее. Вообще, можно сказать, что все почти химические средства войны могут быть применены только в благоприятной обстановке, которая на войне складывается не всегда на тех участках, где эти средства расположены, из-за быстрого изменения обстановки и неблагоприятных условий. Поэтому все химические средства защиты являются нужными в мирное время.

Универсальным средством борьбы остается пехота. В теперешнем ее состоянии, когда батальон имеет 11—2—2—2—2—2 пушки и миномет, а полк

целую батарею или два 3-двойных орудия, она может при содействии артиллерии разрешить все почти задачи в условиях повстанческой маневренной войны.

Пехота, предполагается, что перевес противника в воздушных силах, напр., не настолько значителен, что он может безнаказанно летать над нашим расположением и узнавать все, что ему нужно, как если бы дело было на манер, как в период Первой мировой войны, когда ему против какой пушки иметь все и т. д.

К чему может привести игра в прятки?

Несмотря на все усилия капиталистов удержать человека как активный элемент борьбы, и заменить его «классово-бессознательными» машинами, в действительной практике войны как в прошлом, так и в ближайшем будущем, решающую роль будет играть человек. Человеческая сознательность, умение находить соответствующие моменты боя средства, чтобы выиграть его.

Если рассмотреть военную угрозу, которой надется нас залупать господин Крик и Черберлен, то окажется, что она не так уж страшна.

Вероятные наши противники — слабые, малоиндустриальные страны. В войне против нас будут империалистические державы вынуждены будут притаться за спины малых держав. Массы пролетариата не дадут империалистам вести империалистическую войну с СССР. Поэтому империалисты будут ориентироваться на сотрудничество с нами. Во время войны малые державы придется сыграть на снабжении своих покровителей, за чьи интересы они и будут драться.

Технические средства, которыми они располагают, не намного будут превосходить наши, хотя и будут превосходить нас, благодаря плановой организации, быстро перестроится на военные рельсы, так как самый богатый покровитель не может давать слишком много.

Если у противника будет больше танков, то это будет преимуществом, но не настолько, как в случае с пушками и танками. Артиллерия батальона и полка достаточно для борьбы с тем количеством танков, которое противник и может выставить нормально в бою. Пушка располагает укрытием в сиртаки или за артиллерийскими батареями, поэтому она разобьет гусеницу танка, и он не сможет больше двигаться, а сила его только именно в том, что он сочетает движение и огонь. Танк с побитой гусеницей в несколько минут будет уничтожен огнем близкой артиллерии.

Если противник применит газ (Красная армия не будет первой применять химические средства борьбы), у нас найдутся противоядия и другие средства защиты. Воздушный флот наш сделал гигантские успехи, и мы уже имеем в своем распоряжении флоты малых верных противников. Разлет и морской флот, совершенствуясь с каждым годом.

Вероятно, что наши противники, благодаря малой территории и большой численности войск, из-за слабости мирного времени по отношению к нам, в первую очередь будут стремиться собрать свои войска к советским границам и атаковать наши незащищенные сопредельные войска. Потом, если красные войска не примут боя в невыгодной для себя обстановке, противники попытаются нанести удар по территории, населенной союзным пролетариатом технических средств.

Но значительные столкновения воздушных сил в первый период закончатся таким резким ослаблением обеих сторон, которое сведет дальнейшую роль воздушного флота на второстепенную роль. Также и танки.

Важным оружием осталась и есть пехота и артиллерия.

В условиях широкого фронта и маневренной войны больше значение получит конница. Конница будет бить противника не только с фронта, но и с тыла, и с флангов, что так связывается с восставшими рабочими и крестьянами.

Весь мы не должны забывать, что в начале войны против СССР будет означать в то же время неминуемый и немедленный подъем новой волны мировой революции. Капиталистический мир не может долго существовать в этой революции, и равные или позже к ней придет.

РАЗВРАТЛИ ЭТО?

(Отклики на открытое письмо С. СКВОРЦОВА)

Отредактировано

Вечорки, как они есть

При поминании открытого письма С. Скворцова (см. «Смена» № 8) Редакция была еще старостой «мыслей», высказанных писателем.

Но было бы неостаточно тути же, или сговорившись их, или соладиться с ними. Народо интереснее было услышать мнение других товарищей—поставить вопрос на широкое обсуждение, тем более, что за вопросом в письме С. Скворцова скрывалась целая философия о взаимоотношениях людей в среде нашей молодежи.

В споре рождается истина, и несомненно в откликах товарищей можно было ожидать не только опровержения «философии Скворцова, но и промилосердия ея своих убеждений, своего мировоззрения, или же, если они совпадают со Скворцовым—большого подтверждения и укрепления его «мыслей».

Скворцов задумал такую статью (в этом целостность его письма), и на него посыпались стрелы. Большинство откликнувшихся т. д., промолкнут, против Скворцова, бичуют его походу. Но отдельные эгоисты вторят, дополняют, солидаризируются со Скворцовым.

Бели, например, среди помечаемых нами откликов статья Г. Беремана наиболее полемически затрошена, дает оппор Скворцову по всему фронту его «мыслей» и квалифицирует его, как загнившую скотину, а в отклике Юханова, дополняющем конкретный материал обвинения авторским описанием вечорки, за этим наглядно разоблачающим показом чувствуется неуверенность автора в его принципиальных, правда, очень кратких, суждениях. Юханов увидел, нутом пережил всю безобразность вечорочных прелестей, но развиться в них не смог.

Если же среди других откликов Г. Митлева и Г. Беремана снова дадут решительный отпор Скворцову; оба т. д., решительные противники оппор Скворцову совершенно чуждо систему эгоизма, но за эти товарищи, как возмущаясь тень Скворцова, следует третий—С. Замковой. Он не только открыто присоединяется к Скворцову, но идет дальше его.

В отклике Скворцова обвиняют в попытке отрицать существование «какого-то вопроса». Замковой, очевидно, вполне отмахнулась от всяких обвинений, он открыто ликвидировал вопрос, был него оказывается все настолько ясно, что исключает какие бы то ни было споры. Скворцов хоть сколько-то, «философовал». С. Замковой же—«практик» до мозга костей.

Прошло около двух месяцев, как С. Скворцов поделился с миром своими «мыслями». Скворцовым было им не уютной комнате. Оно многих заставило подумать, а других и поинтересовало над писанным откликом. Читатели «Смены», да вероятно и Скворцов (ведь и он поначинает «Смену»), сегодня прочтут эти статьи. Интересно знать, что бы сказал на них сам Скворцов, что ответил бы на свои оппоненты? Может быть, ему захотелось бы дополнить себя и дать яркий, мужественный ответ на обвинения? Может быть, он открыто ликвидировал тов. Скворцова (а также и его идеинных друзей) к какому-либо новому мыслям?

Мы прилагаем высказаться промолчавших товарищей и еще раз С. Скворцова. И тогда уже, кстати, Редакция скажет и свое прямое слово.

Для удобства чтения восстанавливаем текст письма С. Скворцова:

«Среди рабочей молодежи разврата совершенно нет... Наша молодежь ищет не больше себе позволить, чем это было в старое время, до революции. Вопрос о разврате никакого и нет... А кампания против половых потребностей загоняет их в подполье... Парни старшего удовлетворяются понаеманью—на вечорках, где главным образом шутятся всласть... Никто не спорит, что это—безобразие, но разврата все-таки не видно, а видно одно—грубость и некультурность нравов...»

1. Никаких «вопросов»!

«Обрать все книги бы, да сжечь». Полюбовник Сологуб («Горе от ума»)

Скворцов не любит газет: беспокоило с ними. Все какие-то «вопросы» ставят. «Буза» и суется суется... И газеты и газеты задают голову молодежи полными вопросами... Ну, понятно, каждый день толкуют об одном и том же, привешивают себя об этом думать... и вот поэтому начинается настоящий и серьезный вред.

Газеты шутят зря, ибо «вопроса» то никакого нет и нет... является С. Скворцов. Но злое слово газеты своей шумкой искусственно создают «вопрос»—вот тогда-то молодежь и начинает обо всем этом думать. Это во-первых. А во-вторых, газеты ставят «вопрос» неправильно: проповедуют «монашество»; понятно, молодежь, не желая идти в монастырь, тут же сворачивает на другую дорожку и уж чересчур тонко. Газета совершила, таким образом, два преступления (или две глупости): сначала выступила в роли искусителя, своими «вопросами» вводя людей в соблазн, а потом выступает с кампанией проповедий, нем уже окончательно толкает людей черт знает на что.

Итак, виноваты «жесты и газеты»,—такое первое «открытие» С. Скворцова.

Да, бесспорное существование—газета! Как понять Скворцова, что это «бесспорно»—хорошее, здоровое, нужное средство революционера, которое всегда раздражает тех кто сидит в болоте.

Вспомните, как было с чубаровщиной, когда ее являют, замаскированной «работнич происхождением» параболем и пр., кричал на весь Ленинград, что во-первых, чубаровцы—не преступники; что, во-вторых, никакой чубаровщины вообще нет (или, как выражается С. Скворцов, «вопроса» то никакого и нет); и, в-третьих, что во всем виноваты ленинградская газета «Смена», раздувавшая дело (соответствующая цитата из Скворцова: «газеты задурят голову»).

Чубаровский адвокат был впоследствии разоблачен до конца: он сам оказался до мозга костей чубаровцем. Вывает...

Вернется на минуту к основной «мысли» (что пошелся)—вспомнишь вгляд, попал в печат, становится уже «мыслью» С. Скворцова—по поводу «вопроса». Представте себе: собралась группа молодежи, честно «голосющей» за все наше будущее; кто-нибудь обращается, волнуется сам и жаряет волнение других, и возникает беседа, все сходится на том, что, конечно, авторы асобачных переулков, мягко выражаясь, переборщили, но что все-таки страданий и помук у нас сверхчеловечно; они рассказали о том, как кто-то знал людей, а получил только кровать, при чем она значила это было навалю лядовью, а потом последовало «раз'яснение», что никакой такой любви нет и все это предрассудки; второй гоним, что бывает так: либо поправный инстинкт материнства, либо материнство без радости; третий—о самовольных «охотниках», полтерещающих «дьявола» в лице своего товарища (товарищи) по явине или шую; четвертый—самый горячий—

снизал про исклечение тела и жизни; и, может быть, он или говорить так, что слова становились вещами и людьми, и тогда собеседникам показало, может быть, что все это поломанное, искаженное валется тут, в комнате, перед ними и, может быть, в них самих. Вероятно, все бы замолчали...

Вот тогда настал бы самый подходящий момент для выступления С. Скворцова. Он был бы очень краток. В своем деле, что он говорил? Газет, что ли, начитались? Вот дурачек! С. Скворцов просто пожал бы плечами: ведь «вопроса» то никакого и нет.

2. Судья и кличка

Некий Г. И. Смирнов, ответственный работник, комсомолец и коммунист, бросил своего робина и удрал от «каменатов» в другой город. Когда в газетах появилось об'явление, написанное матерью (т имени девочки (се зовут Майя), о разное отца, Смирнов прислал своей дочери письмо: «Слушай, Майя. Ты говоришь, что если бы знала, то не родилась? Правильно. Ужало налад, откуда пришла, а не треплешь напрасно. Тем более, что и руского имени Майя нет. Это—судья и кличка Смирнов».

«Ком. Правда» № 112 (596)

Заявив в первых строках, что «никакого вопроса нет», С. Скворцов тут же сам превращается в сплош-

Юханов

«Карло-лентная ф-на имени 7го Октября»

ЗАЩИТА СКОТСТВА

КУПАНЬЕ

Я снова на воле. Я вновь налегке,
С расстегнутым начисто воротом,
Болотистым низом пробрался к реке,
Лениво текущей за городом.

Мне голое тело природой дано—
Стою, как дикарь зачарованный,
Года несравненного цвета у ног
Блестит и играет взволнованно

С размаху бросаюсь в прохладу ее—
Шумящая влага каскадами,
Я в струях лицо поднимаю свое,
Лягушек пугая и радуя.

Закрою глаза и одно сознаю
Сквозь пульса биенье чудесное:
Я буду лю'ить этот рапостный юг,
Покуда совсем не исчезн; я.

А веки поднимешь—и синь высока,
Глядишь и моргнешь сконфуженно:
Неспешно проходят сверху блака,
Белее голландского ружева.

...И вот уже я не пойму, отчего
Становится сердце рас рогающим,
Но каждому ясно, что есть существо,
Счастливейшее меж двоюногими.

И. Поступальский

Ш У Р К А Ч У Д И Т

(Из рассказов ИРОЧКИ о ОКТЯБРЬСКОЙ)

ИРИНА ГУЛЮГИНА—подметальщица шла на Октябрьской ж.д. дороге. Она не пишет свои рассказы, не думает о «литературе», ничуть не стремится заинтересовать слушателя. Но она с увлечением рассказывает о своей повседневной жизни: так как, из дня в день, со дня младшеклассники пускали камни каждое дня... «Сильные камни звенят!» Вспоминаю Ирочку пустячки эти и суть самое важное.
 Редакция располагает несколькими рассказами «Ирочки с Октябрьской» (как она любила себя называть). В них обрисован весь мир—во всем его объеме, в котором она обступила Ирочку и ее друзей.

I

Я приглашаю Баску в гости, а она, чудачка, упиливается:
 — Да,—говорит,—а как же я тебя там на железной дороге найду?
 — Это никакого труда тебе не составит. Как приходишь к нам, так сразу и спрашивай Иру, Ирку с Октябрьской все знают!
 Как она удивилась!
 — Неужели но?
 — Все! Кого ни встретишь—всех спрашивай, ох и проведает. А то в сам приходи, в Первомайской. Там мы всегда гуляем. Мы один солидный механик говорит:

— Ирочка, вы когда бывали в Первомайской? Мне нравится только с вами гулять.
 А я ему:
 — Когда бывало, тогда увидела. А мне с вами гулять вовсе не нравится.
 Повернулась на одной ножке и пошла.
 Сколько это за мной ухаживали,—ужас! А я, как ко мне полюбят, возьму да и скажу Дусяке Маленькой:
 — Вот ты с ним погуляй, а я пойду!
 Повернулся на одной ножке и пошел.
 А он парнишка у нас был, комсомолец. Такой гордый! С девчатами не гулял и все чудил. Раз вдувал:
 — Надо красиво одеться.
 Говорит, в газете написано в ихней, комсомольской.

— Навесело,—говорит,—штангалой ходить.
 — Сейчас забрал по рабочую крапиво штроблеты желтые, с носочками, первый сорт, широкие пальцы с пояском, пенку,—красота!
 Пошли мы в Первомайской, увидели его—обхохотались. Спрашиваем:
 — Кто это приехал? Из Ленинграда или делегация какая?

— Девчата к нему подходят по двое, по трое по ручку и одна за другой:
 — Разрешите познаться?
 Шурка весь красивый, по сторонам не смотрит, а на свой кончик носа и так идет, чуть на асфальте не наступит. А девчата не отстают. Хохочем. Однако, он из сада не ушел, целый вечер крепился до десяти часов. А в десять вдруг рукавички откинул, посмотрел на часы—стоп и ручку в кепочку.
 — Шурочка, куда вы? Сейчас «Санюю Дусяку» будут познать.

Он смотрит на браслетик: без четверти девять. У него расхотело по часам—до дому пятнадцать минут.
 — Не могу,—говорит,—правильно физикультуры, я в десять должен спать ложиться!..
 Ручку к кепочке тоже сплю, а я ему через плечо так:

— Приятной физикультуры вам!
 В Первомайском у нас хорошо... Сириен масса. Конечно, идем компанией! Нерва, Дуся Маленькая, Дуся Большая и Ирочка... Я, когда ну в Первомайской, всегда одеваю черную юбку, блузку с высоким воротничком и высокие ботиночки, желтые. Не люблю, как наши девчата, разные трипки надевать.

II

Никогда Ирочка не поет печальные частушки, а всегда веселые:
 Боевая я роплалась,
 Боевая я и есть,
 Боев я имиче в моде,
 Боевым большая честь!

Скучно! Дома у нас повернулись негде. В одной комнате нас много живет. Моя кровать в углу... Душой. Одно мое милое местечко—на комодике синюю, и пою.
 Тетка Даша являл:
 — Какая у тебя, Поля, дочка барышни?
 — Я с комсомольцами люблю гулять, все-таки, они поважнее будут. Дуся Маленькая у меня тоже комсомолка. Она там в комиссии.
 — Где Дуся?
 — На заседании. Сейчас кончатся.

— Вот и всегда так! Зовешь ее погулять, а она на заседании да на заседании. Вызвала я ее, сказала, что очень нужно дело.
 — Ну, что?—говорит,—целую зиму проваздала, теперь весну проваздала.
 А она тихонечко:
 — Погоди, выйдем—скажу.
 Пошли по улице. Я ее дожимаю.
 — Будете заповедь, почесать отсидите.
 — Мне уж, Ирочка, нестерпимо, да что делать? Ты же знаешь, я в прошлом месяце три недели не заснула, так, ведь, чуть из комсомолки не выкинули!

— И что это у вас каждый день заседания? Ребята они и те же, я в вас об разном говорите.
 Шурка нас оглянул, жарит во-все. Ручки в карманах, комомка на нем парнишевская, сапожники рыжие, картуз как блин.
 — Шурка, куда штиблеты девать?
 — Отойти,—говорит,—повозвременно,—что вы ко мне со штиблетами пристали? Загнал.
 Я давай хохотать, а Дусяка глаза открыла и удивилась:
 — А что же ты говорил—красиво одеваться? Мне частушка запомнилась, я ее и спела:
 — Отчего мальчик не выйдешь,
 Или фабрики не ткнешь?
 Оттого, что все ребята
 Из мешков толстовки шьют!

Шурка посмотрел на меня, на Дусяку вопрос внимания не обратил, я и подкачала:
 — Навесело раздетой штангалой ходить? Тут он странно рассердился и сразу дернул уложить, но Дуся подлетела и под ручку его, Шурка впронгнул, однако, смекнул сыграть ухаря и свободной рукой меня под ручку. Я, конечно, поглядела презрительно, чтобы не задумывалась, и ручку вымрять не стала.
 — Так что же,—говорит Дуся,—ты агитировала по «Комсомольской Правде», что нам всем пера красное одевать, сам пример подавал?
 — А ты сама-то «Комсомольскую Правду» читашь?
 Дуся, я заметила, немного смутилась, потому что Шурка член там бюро ихнего, что ли.

— Читай,—говорит.
 — Но не всегда, не каждый день—долмтывается Шурка.
 — А у тебя разве не бывает, что не успеваешь мою новую газету прочесть? Да иногда и другую газету читаешь, «Гулок», например.
 — «Гулок» особо.
 Нам навстречу тут двое малосенских пионеров, оба выучили глаза, задрали головы на Шурку—не запрошвы голову, его не увидишь—и один другому говорят:

— Глади-на, Соколов не гуляет с барышнями, а целых две прицепил! Да какие хорошиные!
 Шурка как покраснел, как вырвется,—ну, думаю, сейчас пионерки нагорят. А он ручки в карманах—и пошел скорострельно.

III

Вечером в Первомайском Шурки нету. Я говорю небрежно Дуся Маленькой:
 — Смотри, а Шурки, ведь, нету.
 — Правда,—говорит Дуся,—надо ребят спросить.
 — Ну, спроси,—говорю,—только едва ли интересно. Да вот Павка идет, он с ним в одной комнате живет.
 — Павка, говорит, ты с Шуркой развелась?
 — Кто говорит?
 — Да и сами видим, что ты один в сам пришел. Павка пошел к нам и машет рукой на шалаво.

— Теперь Шурку не выгонишь, он фотографом заделался.
 Я себе семечки пощелкала, по сторонам смотрю, развелась, как «Даша» и ш, и не слышу, о чем они разговаривают. Что же, уж глаза раскрыла и увидилась.
 — Фотографом? Что ты. Мы, ведь, с тобой, сегодня встретили.
 — Ну так что? Неплохо? Он в «Комсомольской Правде» или еще где-то ввстрел по трое, пошел загнал котомочку свою, кредит-то, и мунил фотографический аппарат. Теперь сидит, охотко одеялом законопатил, как в бутылке теино.

— А что, ребята,—я говорю,—если нам да смеху пойти к нему сниматься?
 — Сейчас?
 — Ну да.
 — Это ж,—Павка говорит,—это можно. Придешь, ступишь в дверь.
 — Нельзя!—оттуда орет.
 Дуся пищит:
 — А здесь фотограф живет? Нам сказали.
 Молчание.

— Так что мы сниматься пришли,—Павка забасил. Но Шурка его узнал.
 — Ты с кем это, Павка?
 — Здесь некоторые барышники желают сниматься.
 — Какие барышники?
 — Открой, увидишь.
 — Сейчас не могу снять.
 — Да ты открой, что за невеста!
 Войти мы не успели, а Шурка уже уложил малябо:
 — Ирочка, тут вы проволок не заметите!
 Я небрежно повернулась и оборвала проволоку, да еще спрашиваю:
 — Где же у вас проволока?
 — А Шурка с вилком мученика:
 — Ну, не знаю,—вы уже оборвали.
 — Ну,—говорю,—неважно, так зачем вы тревожите?
 — Дуся, до стола не дотрагивайся, а то вилочки прольются и ты еще уберасте свое замыгаше.

— Мне это жалко, оглядела я его так.
 — Да, уж тебе замыгать нечего—всего убераста один трубе.
 Павка оборвался шпильнуть.
 Физикультура!

Мне это все навесело. Дуся стоит, боится дышать, а сесть-то негде. Смотрю—всале стана моточник разбитый, я на него и села. А он все на кровать погрузился. А около кровати целая мастерская: тут тебе и радио, и телефон, и телевизор, везде проволоки натянута.
 Шурка на нас не смотрит, отвернулся к столу, все свои вилочки на нем с важным видом перебирает и как медведь, пыхтит. Дуся говорит:
 — Ну, что же ты нас не снимаешь?
 — Сказано, не могу снять сейчас, потому что не заряжено.

Я говорю:
 — Пойдем, Дусечка, у него окажется не фотография, а ружье, он думает, мы к нему сплетаться пришли, а нам из-за него жизнь молодую губит, что ли.
 Дуся удивилась:
 — Как ружье? Откуда ты знаешь?
 — А слышишь, он говорит мне заряжено. Вот и увидем, покажет он не заряжено.

И Павка, дурач, заинтересовался:
 — А что у тебя не заряжено?
 Мы стали на комнаты уходить. Я запела:

Пожлюбка Шурочку
 За коману тужурочку,
 Тужурочка сиолилась,
 Я с Шурочкой простилась.
 И вдруг Павка нам вселел из комнаты бомбы, чуть Дуся с ног не слиб.
 — С ума сошел?
 — Да нет,—говорит,—это Шурка лихаче. Физикультура!
 — А ты бы его пихнул назад. Физикультура!

IV

В субботу я рано спаняюсь. Бегу с омазда домой, своей ете Поле картофельные лозы жарить. Я их очень хорошо могу делать.
 — Сбави, сбави, сбави, скоро пригорят! Уходит, Егрус Дусяка. Веселый такой идет и в залочку ружье.
 — Прощайте,—говорит,—Ирочка!
 — Ты куда?
 — Ну, коти.
 — Ну нет, а еще говорит, что у тебя аппарат. Я сразу догадалась, что ружье.
 — Да нет, вправду аппарат был.
 — Как же аппарат? А когда сниматься проходили, сам проговорился, что не барышник,

На то оно и лето, чтобы и умыться даже под солнцем!

— Так это я про аппарат и говорил, что в нем пластинки не заряжены.
 — Ну, жди меня снимаешь.
 — Да, ведь, его уже нету!
 — Как нету? Вот чудак какой! Только что говорил, что есть...
 — Был, но я его на ружье с Колькой Сердюковым переменял.
 — С чего это ты вздумал?
 — Телерь, Ирочка, время такое, что каждый должен знать стрелковый спорт, чтобы уметь защищать СССР.
 Известно, комса всегда митингует.
 — Ну, ладно, ты меня не агитируй, а зайца привези, я его нашьугую.
 — Обязательно привезу, Ирочек!
 Тут я рассердился, — а это у меня сразу.
 — Кому Ирочек, а кому Ирина Калининна! Чтoб не задумывался.
 Повернулась на одной ножке и пошла.

У
 Погуляли воскресенье, нет нашего Шурки, даже скучно. Не люблю, когда в компании такого нет, над кем смеяться можно. Скучно!
 Обязательно такой должен быть.
 Четверо девчонки. Мне лучше нравится, когда одна девчата идут, свободной гораздо. Нюрка хотела своего притащить, но я не позволила.
 Мой любимый кино—«Фантомас». Маленький такой, смешной и всегда там лента рвется.

Мы заняли места и ну галдеть. Я кричу:
 — Рамку у!
 Дуся Большая ногами топчет, а Дуся Маленькая испугалась. Комсомольца несчастная!
 — Не илао,—говорит,—девочки, скандалить. Как я на нее ыкну:
 — Не нравится—иди домой. Чего увязалась? Скажите, какая нежная!
 Заложила два пальца в рот и свистнула. Бенчик ко мне какой-то:
 — Что за хулиганство!
 — Вы не выражайтесь. Что это за такое за «хулиганство»? Может, хулиганство ленты старые показывать, да салопнику вернуть давать?
 — Вы потише.
 — Вы сами, граждане, потише—тут вам не Сухарева. У нас деньги плачены.
 Дуся Большая все себе животинки напорвала. Весело ужас!
 Пошли, толкаемся, от хотюу итти не можем. Я у какого-то толстого спрашиваю:
 — Сколько времени?
 Он, конечно, приставать, а мы от него враспиную. Бежим слюма голову, горлачим:
 Две гитары, третий бубен
 Со шляпой гулять не будем,
 Луше будем ши хлебать
 Да с пиконами гулять.
 — Девочки, гляди, кто идет!
 Бредет Шурка с вокзала, понурый, на плече узелочек, а ружье тю-тю.

— Что, Шурка, ружье зайцы в залог взял?
 Как он испужает, кулак сжал и сжавь зубы:
 — Уйли,—говорит,—снолько у нас девчат развелось, ступить негде, на копейку дюжина!
 Мне очень обидно стало. Подумаешь, дурень мордастый. Что я за ним бегаю, что ли?
 — Скажите, помалуйста, у нас верно живот болит, мазиваемся за беспокоество.
 На другой день я путь пометала, и Дуся Маленькая идет.
 — Знаешь про Шурку?
 — Катись со своим Шуркой колбасной по Новой Спасской. Влюблялась в него, что ли? Все Шурка, Шурка!
 — Де нет, с Шуркой несчастье. Поехал он на площадке вагона, а ружье возьми да и выстрели. Пассажирика в обморок упала, дети зарорали, двое каких-то Шурку бить хотели. Свалил его на первой станции в орточку и ружье отобрали и провизюнку.
 — Так ему и нужно, чтоб не чудил.

VI

У нас каждую весну прогулка бывает, с музыкой. От учнпрофкома. Целый вагон занимаем. Весело!

Я всегда беру с собой чемоданчик желтенький для провизии, за два дня готовлюсь. Девчата пироги везут, закуску, ну, а у парней конфеты, пряники, а кто и красногелемьку привзять везет.

ТОП КРЫМА ДО АЛТАЯ

(Практика туризма по СССР)
Д-р И. САРКИЗОВ-СЕРАЗИНИ

Этой весной задержалась отчего-то прогулка все мы с нетерпением ждали и вечера в саду пропадали.

— Вот как-то вечером я сижу дома, папилютки кручу, пораньше начала, чтоб лучше завылились. Вдруг Дуся Маленькая...

— Тебя спрашивают,— говорит, а сама смеется. Я поскорей накинула шарф и за ворота. А там шал чудовой Шурка светит. Я стала бочком в калитку, говорю тихо:

— Что тебе? Засып зайцев нет.

— А он велико так: — Ирочка, какой ваш цвет любимый? Зачем ему сласки мой цвет любимой? Думаю, сказать или нет? И вдруг взяла и высказала, совсем почти истинно:

— Илювиенский.

Он два пальца к кепке: с был таков. Совсем зачули Шурка.

А тут и Дусья зубы скалит, тоже умища высказала.

— Наказ, еще неделя прошла— и прогулку объявили.

Я мое любимое платье надела. Спереди гладко, с боков кинуто воланчики, а рукавчики крошечные. Все майкритовое в голубых мушках. Картинка. А в кошу ленту лиловую—самый мой цвет замечательный. К серым глазам всегда лиловое одеваю ভালো.

Едем, разговаривая, в окна смотрю. Скупо... Впрочем, что я говорю! Весело. Ребята все свои, народу много.

— Все идет, все идет.
А мово не видно,
Забавляется с другой,
До чего обидно!

Веселимся мы, а я иду, над кем бы посмеяться, разгрызть кого. А то что же всеселье.

Омнеть гриваши «Шангоном». Приехали. Я выхожу из вагона, под музыку иду, танцую.

— Что же ты, милый, не пришел,
Когда тебе велено?
А теперь, дорогой,
Вся любовь потеряна.

Вдруг мне кто-то за лопоту берет.

— Добрый вечер, Ирочка.
Шурка. Откуда вылезла?
Аккуртнейший такой стон. В английских обмотках, в пиджачке, и галстук самоява в полосуку овел.

— Не хотите ли покататься?
Смотрю—мотоциклетка его стоит, на ней, значит, приехал. Починена, смазана, блестят, и картина новая приделана. И, ведь, все в лиловое выкрашен, чудак!

Я стою, торопиться некуда, и говорю медленно: — А что же, идите мотоциклетки тоже в «Комсомольской Правде» написано?

— Конечно,—говорит,— в «Комсомольской Правде» об этом даже очень много написано—что мы должны развивать пролетарский туризм.

И чтобы в лиловом цвете—написано? Шурка замаялся.

— Нет, про лиловый цвет в «Комсомольской Правде» ничего не написано. Это же ты мне сказала—неужели забыла?

И так на меня привительно смотрит. Тут я засмеялась и ответно:

— Нет,—говорю,— не забыла.

ПИЛОТ

Врезало самую облака,
Визу стились холмы, равнины,
А логоразный закат
Блестит на чешуе машины.

Урагуло мурлыки джрок
Упряжю, как вихрь, мотар:
Сегодня он прокрут рад—
Грент в весельем разговоро.

Емстрее сокола донес
Меня мотом в обьяты выси.
Играет искрами мороз
На вероте у шубы лиосый.

Но самому илпочем
Мороз, туман
И высь туман
Он, как лловец, крутам плечом
В оерах обломком ныряет.

Врезаясь круче в небеса,
Сильней пропеллерная песня—
И ярире, шире
И чудосней
Мир открывается наизю.

Виктор Щепотов

Турист, отправляющийся в любое из перечисленных мест, прежде всего дома его должен подходить соответствующую литературу и познакомиться с особенностями предстоящего путешествия.

Эти сведения дадут возможность рядовому туристу не только умело ориентироваться в проходной местности, но и сознательно отнестись к новой для него обстановке.

Конечно, не всегда поспешит из книг знаний базисом достоянием для спокойного путешествия по незнакомым местам, особенно это касается практической стороны туризма. В этих случаях на помощь приходит указание и опыт старых туристов и туристических организаций. Приводимые ниже практические указания заимствованы мною частью из опыта быв. Крымско-Кавказского горного клуба, американских «tourist bureau», немецких «турист-ферьерной» и собственных многолетних туристических путешествий по всем странам мира.

Крым и Розенмену туристам обратить внимание и на восточную часть Крыма, обладающую незабываемыми красотами диних гор, памятниками глубокой старины, имеющими мировое значение. Восточная часть Крыма явилась родинкой чинимской «иммериской» школы художников, являвшей нам замечательную картину и др. крупных художников юга. Эта плеяда художников таорила в Феодосии и не отличалась особой любовью к южной части Крыма.

Группа участников должна быть однородна. В Крыму нельзя заблудиться,—чтобы умело ориентироваться, можно пользоваться следующим: в 12 ч. дня солнце на юге, в 6 ч. утра—на востоке, в 6 часов—вечера—на западе. Каждый час солнце передвигается на 16°, каждые 4 м.—на 1°.

Или держите карманные часы на ладони так, чтобы часовая стрелка указывала на солнце: ровно по середине часовой стрелки и цифрой XII будет юг. Путешествовать в горах, где растут хвойные деревья, в сандалинах нельзя.

Обувь должна иметь каблук. Костюм, не стесняющий движения, про запас фуфайка. Вязать с собой: войлок, пинки, чайник или фляжку, свечи (для осмотра пещер), даламатский порошок (если придется заночевать в кофе и ян), металлическую кружку.

Из пищи: хлеб, чай, молоко, жареное мясо, немного вина. Дорогого не пить лимонада, квасов, пива и особенно много вина.

Пить в разгоряченном состоянии не следует, или следует пить маленькими глоточками. Напившись водки из колодезя ступайки и шиферки ка—двигайтесь дальше. Располагаться на ночевку в неподходящих действительно ветра мест.

Путешествуя по Яйле (плоская вершина кавказских гор), помнить про возможную встречу со львами овчарками, стерегущими овец. Не боятся от них, а присесть на корточки и криком о помощи стараться привлечь к себе внимание чабанов (пастухов). При внезапном наступлении тумана—не двигаться, оставаться на месте.

Эскиркуровать ранним утром, после легкого завтрака. Первая остановка через 2—3 часа. Не теропиться. Не идти на «прислусть», чтобы сохранить силы для остального пути. При остановках не уменьшать в разгоряченном состоянии холодной водой. При остановке на ночлег обтереть ноги холодной водой и не забыть загасить костер.

К а в а з. От кубанских степей до серых вершин Казбека, Эльбруса, вулканических склонов Алдана!

Кавказ для туриста—неистоянный родник радости и восхищения. Кроме общеизвестных маршрутов, рекомендуем осмотреть Военно-Осетинский и Военно-Сухумский дороги, поездку в Армению, в июле и августе путешествия в страну

легендарных сказов—Саанитию; прекрасные места для туризма—Нальчик-Валкария.

Кавказ требует от туриста хорошей физической и умной ходьбы. Переходы начинать утром. После 2 часов ходьбы—дослуживший привал. После 4 часов—перерыв. После 2—3 часа пути (4 ч. отдыха). Соразмерять путь с расчетом в жаркую время дня сделать передышку на обочине.

При подходе к туристу медленно, размеренно, сидеть за влоком и выдохом.

Осторожение—кавказская сушка или плав. В дождливый или ветер. Шерстяные белье, особенно вязаного белья. Костюм в виде френча из суконных штанов и толстовки. Туфли шерстяные гамаша или бинты. Две смены шерстяных чулок. Ботинки с толстой подошвой, подобной галоше. Шапка мягкая, защищающая от солнца. Для защиты от ледника—палка с вешалкой. Для перерыва по ледникам—лестница, запас свечей. Вдерева до 40 м. длины, очко-консера, втяной шлем на голову, стальные кошки на подошву, чтобы не скользить по льду.

Все вещи должны быть сложены в брезентовую сумку, которую можно шить самому.

Пищу в горах достать трудно. Необходимо иметь с собой: сахар, кофе, леденцы, консервы, хлеб, немного коньяка, вина. При восхождении на высокие горы, где кончатся растительность, ступенчатый ледугар, запас свечей.

При путешествии по побережью Кавказа в малорядных наименованиях по рядному отбору рекомендуем каждый второй день приехать в уторм 2 грана, вечером 3 грана—и три в неделю настоль и 1/2 лимона, наравленного вместе с морской и асцитического в 2х стаканах воды.

Есть величайшие с местными жителями. Средняя Азия. Страна контрастов, жарких красок, жгучего солнца! Туристу, намереваясь посетить эту страну, должен быть жарко, хорошо тренирован и не бояться жары.

Июль, июль, август, сентябрь—идеальное время для поездки в степи и пустыни—апрель. При путешествии по горным хребтам, нагорьям, пустыням и степям нужна теплая одежда (в горах иметь полушубок).

С 1917 г. в степи и в всей Средней Азии не пить. Жажда утолять чаем. Особенно осторожным нужно быть в Бухаре, где распространены «пиджачки» и «шарики» (вещи, зародившиеся от того, что вода принаюк в человеческий организм. Не кушать фрукты, и обмыслить кипятком.

Перед употреблением мой руки и использовать! исключительная на кипяченной воде. Яблоко или кусочек комурой, на поверхности которой обитает возбудитель тропической дизентерии.

Носить шерстяные платки, прямо на теле, из фланелевую фуфайку поверх полнотной рубашки в продолжении всего пребывания в крае.

В жаркое время после заката солнца самое лучшее не выходить из дома в продолжении 2х часов. Не сидеть в садах иблих прохлад и армянских утомления и ходьбы, а возвращаясь домой в испарине, не сбрасывать с себя шерстяной платок в продолжении 1/2 или 1 часа. Избегать жарной и вообще тяжелой обуви, не набрасываться на фрукты, в особенности на абрикосы (уруки). Потребить больше зелени и меньше мясного. При путешествии по ледникам и снеговикам—темные очки.

А л т а я. От туриста требуется большая тренировка, закаленность, неприхотливое отношение к удобствам. Отсутствие дорог, разрозненные маршруты. Затруднения в получении пищевых продуктов. Резкая перемена температуры, высокая колебания. Непременно взять охотничий сапог, теплую одежду, вплоть до полушубка или даламатской фуфайки. Путешествовать группой. Обязательно брать груше (охага).

Алтай представляет собой прекраснейший и является для заграничного туриста местом истинного таяния тренировки, самообладания, находчивости, смелости и быстрого реагирования инициативы.

Бумбин, Александр, Голосовский, Холвицкий и Ерохин—работе таинской клиники, комсомольцы—отрапачив на время отпуска на Памир

Носить шерстяные платки, прямо на теле, из фланелевую фуфайку поверх полнотной рубашки в продолжении всего пребывания в крае.

В жаркое время после заката солнца самое лучшее не выходить из дома в продолжении 2х часов. Не сидеть в садах иблих прохлад и армянских утомления и ходьбы, а возвращаясь домой в испарине, не сбрасывать с себя шерстяной платок в продолжении 1/2 или 1 часа. Избегать жарной и вообще тяжелой обуви, не набрасываться на фрукты, в особенности на абрикосы (уруки). Потребить больше зелени и меньше мясного. При путешествии по ледникам и снеговикам—темные очки.

А л т а я. От туриста требуется большая тренировка, закаленность, неприхотливое отношение к удобствам. Отсутствие дорог, разрозненные маршруты. Затруднения в получении пищевых продуктов. Резкая перемена температуры, высокая колебания. Непременно взять охотничий сапог, теплую одежду, вплоть до полушубка или даламатской фуфайки. Путешествовать группой. Обязательно брать груше (охага).

Алтай представляет собой прекраснейший и является для заграничного туриста местом истинного таяния тренировки, самообладания, находчивости, смелости и быстрого реагирования инициативы.

1 «Киммерия»—древнее название восточной части Крыма.

Вл. НЕМЦОВ

Простейшая походная антенна

Знаем ли мы, какое огромное значение имеет сеть радио на экскурсиях, прогулке и проч.? Громкоговоритель, установленный где-нибудь в лесу, на привале отпугивающих экскурсантов, передавая последние новости и актуальные—разнообразит и заполняет отклик. Но все беда в том, что многие радиолобительские кружки не знают, как применить свою громкоговорящую установку, которая зимой обслуживала их клуб, а сейчас, весной наступившему лету, замолчала. Предлагаем, что у нас имеется 3—4 лампы усилителя и приемник. Каким же путем приспособить его для того, чтобы он обслуживал экскурсию? Эта задача не настолько уж трудная, как ло кажется. Прежде всего нам нужен небольшой чехол, в который уместилась бы вся наша установка с батареями и репродукторами. Аккуратно укрепим лампочки и усилителя на дне чехола, а затем необходимых соединений между ними, затем так же укрепим батареи (лучше всего сделать перегородки). Для такой радио-передачи особенно рекомендуем для накала батареи типа НТ и для анода обыкновенные—вольфрамовые. Батареи типа НТ очень наделены в работе и

к приемнику. Но самое главное во всей этой установке затронуть, как показывается радиолобитель, состоит в установке антенны. Такая антенна должна быть готова в пять минут. Поэтому нельзя говорить о нормальной любительской антенне из канатика, а изоляторами, блоками и проч.; ее нам поможет заменить фут звонковой проволоки.

Антенна

Привяжем на конце мотка проволоки один изолятор или подобный груз и закинем его (как можно выше) на сучок любого дерева. Другой конец провода присоединим к замку А приемника. В данном случае мы будем иметь самую простейшую походную антенну, которую мы сле-

Вместо заземления можно употребить так называемое противовес

дем в одну минуту. Ясно, что закинуть провод на дерево дело нетрудное но необходимо помнить, что чем выше у нас точка повеса, тем лучше слышимость. Кроме этого, также необходимо принять во внимание и длину антенны; в этом случае она может быть от 30 до 50 метров, меньше или, также можно, но с худшими результатами. Все то, что относится к громкоговорящим установкам (относительно антенны и заземления), также относится и к обыкновенным детекторным приемникам. Тогда мы имеем в прогулке приемник подмышкой и моток проволоки в кармане.

Теперь остановимся на другом типе антенны, которая дает лучшие результаты по сравнению с предыдущим типом. В этом случае мы имеем две точки повеса—на двух деревьях. Этот тип антенны до некоторой степени приближается к горизонтальной антенне. Для того, чтобы мы имели значительную действующую высоту, лучше всего вешать на эти деревья и в данном месте перемычку изолятор через суч, а в другом—провод (таким же путем). Конец провода идет под углом к земле и присоединяется к клемме А. Такая антенна будет не уступать нормальной любительской антенне. Как же обстоит дело с заземлением?

Заземление

Если мы остановились на реке, ручья, озера, даже болотце можно решить весьма легко обыкновенное дело с заземлением к прикрученным к

ствену в воду и этим достигается прекраснейшее заземление. В том случае, если нет влаги, достаточно опустить в воду металлическую пластинку или зарыть ее в прибрежный песок, чтобы получить надежное заземление. Если прием производится в лесу, то придется пользоваться каким-либо металлическим предметом, воткнутым глубоко в землю. Особенно рекомендовать можно в прикрученным проводом. Такой прием присоединяется к замку А. Это заземление можно считать вполне приемлемым. Если нет под руками медного предмета железного или лучше шпеллового (патруного) прута, то в качестве заземления можно служить и воткнутый в землю, к нему туго привязанный провод идущий от клеммы З. Иногда очень хорошие результаты бывают, когда в качестве заземления служит дерево. Для этого в его основание вбивается гвоздь в 3—4 дюйма, а весь контакт с землей осуществляется при помощи мельчайших корешков дерева, которые глубоко идут под землей. Необходимо отметить еще то обстоятельство, что заземление будет в том случае надежным, если земля достаточно сыра.

Каким же путем мы будем действовать, если этих условий у нас не будет, если земля очень суха, нет предмета, который можно заземлить, и проч. Тогда мы вместо заземления употребим так называемый противовес.

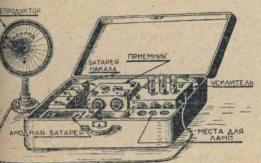
Противовес

Так называется один из системы проводников, подвешенных под антенной на расстоянии 1—1,5 м над землей. В нашей установке противовес будет из себя представлять также звонковой провод под антенной, он будет натянута между теми

Походная антенна с двумя точками повеса

деревами. Если же мы имеем только одну антенну. Одним из методов противовеса присоединяется к клемме З, другой—свободный. Примечание: при приеме на громкоговоритель, так и на детектор. В этом же случае значительно повышается отклик от ближайших станций. Иногда очень хорошие результаты может дать так наз. рамка, в нашем случае это будет просто антенна соединенная с противовесом (замкнутая антенна).

Такая радио-передатчик можно пользоваться на экскурсиях

не скоро садятся (предполагается, что лампы впаивать типа «Микро»). Лампы лучше всего помещать в своих футлярах в специальном отделении, обитом войлоком, с крышкой. Эти их мы предохраним от сотрясения. Смотря по размерам чехола, репродуктор можно укрепить на крышке (внутренней стороны) или прямо в чехола в приделанном для его отделения. Во время передачи репродуктор хорошо привязать повыше к дереву, чтобы он мог обходить достаточно большую аудиторию. Провода от него спустить вниз

УГОЛОК ФОТО-ЛЮБИТЕЛЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

Открывая в журнале фото-уголок, мы имеем в виду две цели: помочь молодому фото-любителю в его работе и привлечение к участию в классификации журналов.

Тепло—сезон фотолюбительства. Появится огромное количество пластинок и бумаги, особенно бывает, когда возникает интересное событие проходит на пластинке от неумелой работы. Наши советы в помощь молодому фото-любителю будут давать указания—как надо снимать, как получать снимки. С другой стороны, очень хочется в особом разделе журнала интересных фотографий, которые несут ряд ошибок по технике, показать красивые места наших окрест, спортивные выступления, производственные моменты на жизни предприятий, бытовые сценки и т. д.

Вопросы практического характера должны посылаться с весьма кратким обоснованием, в которой бы сделан снимок, каким объективом, с какой выдержкой, каким проявителем работан фото-любитель, как долго проявлял, что послужило на негативе и т. д. Рекомендуется в особо интересных случаях, прислать негатив или отпечатки с ними.

Снимки и вопросы присылать по адресу: Москва, Мал. Черкинский переулок, № 3/4. Редакция журнала «Сигнал», фото-отдел.

ЧТО НАДО ПРИОБРЕСТИ И КАК ВЫБРАТЬ АППАРАТ?

Для начала работ необходимо приобрести следующие принадлежности: фотоаппарат (камеру), тригоник (измерительный сосуд), фото-пластинки и ванночки для проявления, ко-

пировальную рамку для печати, фляжку с красным стеклом, подставку для сушки негативов, стеклянную мензурку для проявления, стакан (измерительный сосуд), фото-пластинки, фото-бумагу, 2 патрона фиксажа (проявитель и фиксаж продается в готовом виде).

Всего этого приобрести в магазинах Союзгирода (имеются во всех крупных городах) или в частных магазинах. Весь набор, кроме аппарата, стоит приобрести от 4-х до 9 рублей.

Начинающему и работающему любителю необходимо иметь камеру с матовым стеклом, т. е. такую, где он сам бы видеть, что снимает. Большинство неудачных снимков получается оттого, что любитель начинает с апертурной линзы такой камеры.

За 15—25 рублей можно приобрести универсальную камеру дорожника типа, марки «Эриеман», «Кокака» или «Перла». Отсутствие на рынке фотолюбителя заставляет отказаться от камеры «Кокака» и рекомендовать «Эриеман».

Камера имеет следующие приспособления: объектив светосилой 1:3,8, диафрагму (для регулирования света), матовое стекло, позволяющее видеть снимаемое изображение и наводить фокус (реакция изображения на матовом стекле, центральный затвор

всплыва, 2 патрона фиксажа (проявитель и фиксаж продается в готовом виде).

Всего этого приобрести в магазинах Союзгирода (имеются во всех крупных городах) или в частных магазинах. Весь набор, кроме аппарата, стоит приобрести от 4-х до 9 рублей. Начиняющему и работающему любителю необходимо иметь камеру с матовым стеклом, т. е. такую, где он сам бы видеть, что снимает. Большинство неудачных снимков получается оттого, что любитель начинает с апертурной линзы такой камеры.

За 15—25 рублей можно приобрести универсальную камеру дорожника типа, марки «Эриеман», «Кокака» или «Перла». Отсутствие на рынке фотолюбителя заставляет отказаться от камеры «Кокака» и рекомендовать «Эриеман».

Камера имеет следующие приспособления: объектив светосилой 1:3,8, диафрагму (для регулирования света), матовое стекло, позволяющее видеть снимаемое изображение и наводить фокус (реакция изображения на матовом стекле, центральный затвор

Комплектна со скоростями от 1 секунды до 1/250 — 216 секунд, также для выдержки и моментального снимка. Все это необходимо при работе.

Самой главной частью камеры является объектив. Главные свойства объектива и конструкция стекла играют роль при дальнейшей работе после некоторой первоначальной подготовки, о чем мы еще будем писать. Начиняющему при покупке дешевой камеры не придется особенно задумываться над выбором объектива. В таких камерах всегда бывают наиболее распространенные объективы, так называемые «лапшистые», для съемки на воздухе, системы Аллангетта или Анастигматы.

К камере необходимо касетные—металлические плоские ящички для помещения пластинок. Кассеты заряжаются при красном свете и не должны пропускать никаких лучей.

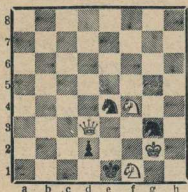
Все работы по лабораторной части производятся на размерах как мер. Здесь мы рекомендуем самый распространенный размер 9 × 12 сантиметров.

Важно отметить, что при покупке и использовании камеры, необходимо учитывать следующие моменты: наличие объектива, системы Аллангетта или Анастигматы.

Задача № 3

«М Я Ч И К»

Черные

Белые

Белые: Кг2, Фd3, Кf1, Кf4.... (4)

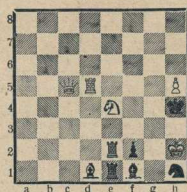
Черные: Кр е1, К е', К g3, p d2.... (4)

Мат в два хода

Задача № 4

Л. Б. ЗАЛКИНД (Москва)

Черные

Белые

Белые: Крh2, Фe5, Лd5, Cd1, Ke4, p h5.... (6)

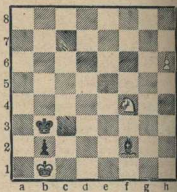
Черные: Крh4, Лel, Le2, Cf1, Kh1, pf2. (6)

Мат в два хода

Этюд № 2.

К. А. Л. КУБВЕЛЬ (Ленинград)

Черные

Белые

Белые: Крb1, К4, nh6.....(3)

Черные: Крb3, Cf2, nb2.....(3)

Белые начинают и выигрывают

Фамилии товарищей, приславших правильные решения задач и этюдов, будут опубликованы

Издательство ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая пл., 6

БЕРГМАН, Г.
ОТДЫХ ЛЕТОМ

С предисловием Н. Семашко

Содержание: Как мы отдыхаем. Что дает лето. Дни отдыха. «Лагерный отдых». Туризм. Отдых и физкультура. Отдых и работа. Подготовка к отдыху. Люди. Организация и самостоятельность. После лета. «Гигиенических» руководств видим много. Теоретических рассуждений о пользе лета, о значении солнца, воздуха и воды — сколько угодно.

Важно дать конкретные, практические указания, как использовать лето и летний отдых.

Это делает тов. Бергман на основе учета громадного опыта. И в этом основное значение книги, которую нужно рекомендовать возможно более широкому кругу читателей, и прежде всего — молодежи. (Из предисловия Н. А. Семашко).

С иллюстрациями. 111 стр. Ц. 50 к.

В. К. — Летняя прогулка прогулка молодежи. Организация и методы работы.

79 стр. Ц. 40 к.

МАСЛОВ, А. — Фокусы и научные развлечения в клубной работе. Для организаторов массовой работы в юношеских секциях рабочих клубов, коммат молодежи, площадок, домов отдыха, прогулок.

Содержание: Предисловие Агитпропа ЦК ВЛКСМ. Вступление. I. Методические указания по организации и проведению вечеров. II. Вечер агитской науки. III—IV. Простые чудеса. V. Разоблаченные чудеса. VI. Вечер тепла и холода. VII. Вечер феноменальной памяти. VIII. Вечер головоломок. IX. Вечер электроники. X. Бенгальские огни и фейерверки. XI. Практические указания и советы. Литература.

«Означенная книга из серии «Практика клубной работы» ставит себе целью дать пособие практическим работникам для их повседневной работы. В числе форм отдыха и развлечения (шутки, игры, загадки) не последнее место занимают «фокусы и опыты». Их значение не только в том, что они способствуют оживлению клубной массовой работы и разнообразят ее содержание, но и

в провинцию заказы высылаются наложенным платежом. Организация скидки. Заказы до одного рубля высылаются по получении почтовых марок на сумму стоимости заказа. При внесении всей суммы заказа вперед — пересылка и упаковка за счет Издательства. Каталоги, бюллетени, проспекты высылаются бесплатно

в том, что они возбуждают интерес к научным вопросам у молодежи, толкают ее к самообразовательной работе. (Из предисловия Агитпропа ЦК ВЛКСМ).

124 стр. Ц. 85 к.

ЛЕТНИЕ АГИТВЫСТУПЛЕНИЯ

Сборник: частушки, агит-балаган, живое кино, живая газета, красное обозрение, шумовой оркестр, массовые выступления за городом, постановка на поляне. Составлено ассоциацией инструкторов действенных ячеек

Содержание: Предисловие. Особенности летней работы драм. и действенных кружков — Н. Львов. Отдел I. Эстрада в саду. Частушки — Н. Л. и М. Захарова. Агит-балаган. Методические указания. «Шпилькой в путь» — Б. Ветров. Живое кино — И. Чкалик и др. Клубная живая газета — Б. Ветров. Красное обозрение. Методические указания — Н. Л. «Радио-эстрада» — Л. Петров. Шумовой оркестр — Н. Львов. Отдел II. Массовые выступления за городом. Вступление. Массовые чтения. Массовая постановка — Н. Львов. Методические указания. «Молодежь на Западе». Постановка на поляне. Методические указания. «Нет больше дури, чем невнимание к физкультуре» — Б. Ветров.

105 стр. Ц. 55 к.

ТРУНИН, А. — Массовая работа по физкультуре летом

Содержание: Предисловие Агитпропа ЦК ВЛКСМ. Что нужно знать о физкультуре летом. Физкультура в массовой работе клуба. Экскурсия-прогулка и кружок физкультуры. Марш-прогулка. Спортивные праздники. Вечер «Физкультура и быт». Физкультурный суд. Вечер «Физкультура для всех». Вечер физкультуры и труда. Вечера смеха. Живая газета. Игры: I. Подвижные игры. II. Игры с мячом. III. Подвижные игры. IV. Игры на отдыхе и прогулках. Литература о советской физкультуре.

140 стр. Ц. 40 к.

КАЛЫПУС, Б. — Физкультура для всех. Популярное руководство по включению физкультуры в повседневный быт трудящихся города. Для молодежи обоего пола. С предисловием Н. А. Семашко. 2-е издание, дополненное и исправленное. 46 стр.

Руководство по «физкультуре на дому». Гигиена быта. Описание физич. упражнений. Подбор физических упражнений: а) для работников канцелярского труда, б) для студентов, сов. и парт. работников, в) для работников физич. труда. Библиография.

185 стр. Ц. 85 к.